

Дем Михайлов

ЭХО ВОЙНЫ

Дем Михайлов

Эхо войны

2016

Михайлов Д.

Эхо войны / Д. Михайлов — 2016

ISBN 978-5-9922-2245-6

Радиоактивная пустыня, бесплодная и безводная. Безжалостно палящее солнце выжигает все живое. Но несмотря на это, в песках все же теплится жизнь – если так можно назвать ежедневную борьбу за выживание. В некогда промышленный городок в самом сердце Кызылкумов – Красных песков прибывает машина с чужаками, прорвавшимися сюда из далекой России через все опасности ядерного постапокалипсиса и встряхнувших замерший в сонном оцепенении городишко до самого основания. Никто не знает с какой целью сюда заявили вооруженные и озлобленные чужаки, но правящие городом заклятые враги бывший зек Пахан и не менее бывший вояка Бессадулин постараются это выяснить любой ценой. Узнать, что именно их сюда привело и урвать свой кусок. И в самый центр бурлящих событий оказывается вовлечен простой охотник Битум, согласившийся стать у чужаков из России проводником к их неведомой цели...

ISBN 978-5-9922-2245-6

© Михайлов Д., 2016

Содержание

Вступление	5
Глава первая	6
Глава вторая. Толкучка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дем Михайлов

Эхо войны

Вступление

Вот уже тридцать лет, небольшой городок медленно уходит под песок, что беспрестанно приносит горячий ветер из сердца раскаленной пустыни. Окраины давно уже скрылись под пологими и сыпучими барханами, на которых росла редкая верблюжья колючка и жалкие кусты саксаула с редкими вкраплениями уродливо торчащих бетонных плит и причудливо изогнутой арматурной сетки.

Городскому центру повезло чуть больше – если окраины большей частью состояли из самых старых трехэтажных, редко четырехэтажных кирпичных построек, то дальше шли дома повыше, построенные из массивных бетонных плит. Именно они отрезали песку путь в сердце промышленного городка. Но так не могло продолжаться слишком долго – регулярные ураганы приносили тонны мелкого песка, что словно абразив, медленно, но упорно подтачивал стены построек. Среди пологих песчаных холмов виднелись первые жертвы песчаной ярости – обрушившийся остов длинного семиэтажного здания, рядышком притулилась провалившаяся посередине почти засыпанная четырехэтажка. Таких свидетельств апокалипсиса более чем достаточно. Еще полвека и пустыня поглотит последние свидетельства некогда великой цивилизации.

Но пока жизнь еще теплится в окружающих окрестностях – кое-где за полуразрушенными остовами домов поднимаются к небу редкие жидкие дымки костров, в воздухе чувствуется запах готовящейся похлебки из юрких пустынных ящериц и беспомощных в своей медлительности черепах. Оставшиеся в живых после Великого Затмения и Смертного Холода, продолжают жалкие попытки выжить в раскаленной домне пустыни, некогда носящей имя Кызылкумов – Пустыня Красных Песков.... Теперь же ее называют иначе – Знойная Пустошь. Еще чаще – Адское Пекло. В обиходе же говорят просто – Пески.

Глава первая

С самого начала покосившееся здание ничем не привлекло моего внимания. Таких полуразрушенных бетонных коробок в округе более чем достаточно. Некоторые сохранились лучше, от других остались выгоревшие остовы или груды перекрученной арматуры, бетонной крошки и кирпича. Я почти миновал его, когда краешком взгляда зацепился за неплотно прикрытую подъездную дверь.

Несколько дней назад я проходил здесь. Тогда покосившаяся ржавая металлическая дверь стояла открытой нараспашку, упершись нижним углом в бетонный выщербленный пол – верхняя петля давно проржавела и, не выдержав веса двери, лопнула. А сейчас дверь кто-то аккуратно закрыл. Захлопнуться от порыва ветра она не могла – больно тяжела. На выщербленном и побелевшем от старости бетоне осталась четкая борозда. И несколько неровных темных пятен. Кровь.

Машинально присев за обгоревшим остовом грузовика, я прислонился спиной к ржавому ободу колеса и задумался. Внутри здания кто-то был. Человек. Раненые животные не прикрывают за собой дверь. В крайнем случае, там мутант. И, так или иначе, кто бы там не был, он или она истекает кровью.

Я все еще мог просто уйти, благо дополнительный маршрут давно продуман и многократно проверен – развернуться назад, перебраться через невысокий каменный забор бывшего детсада и, пройдя его насквозь, окажусь между двумя полуразрушенными четырехэтажками галерейного типа. Оттуда рукой подать до моей берлоги.

С другой стороны, если неизвестный тяжело ранен, то он мог уже умереть и тогда, мне может обломиться все его барахло....

Голодная зима только-только закончилась и, хотя я пережил ее относительно благополучно, последнее время мне не слишком везло в охоте. Если удастся разжиться съестным, то смогу переждать надвигающийся песчаный шторм в уютной берлоге. Это при идеальном раскладе.

А еще я могу нарваться на отравленный болт из арбалета или на пулю, пока буду вслепую красться по темным коридорам безжизненного здания. Укрывшийся внутри неизвестный тоже не дурак и, несомненно, ожидает незваных гостей. Ранение заставило его озлобиться, нервы на взводе, сначала будет стрелять, а потом разбираться.

Что делать?

Вскоре жадность перевесила благоразумие. Проклиная себя на все лады, я прополз под грузовиком и осторожно осмотрел темные окна с торчащими осколками стекла. Ничего и никого. Панельный пятиэтажный дом выглядел, как ему и положено – мертвым. Не сбавляя темпа метнулся под стену дома, в любую секунду ожидая услышать выстрел или звенящий свист стрелы – последнее, что я услышу в жизни. Приникнув к нагретой солнцем стене как ящерица, задержал дыхание и прислушался, поводя глазами по сторонам, особенное внимание уделяя черным провалам окон.

Тишина... только легкий весенний ветер едва слышно шелестит над крышами...

К подъезду я не пошел – ищи дурака! Если раненому незнакомцу хватило ума прикрыть за собой дверь, то может и на установку ловушки мозгов хватит. Однажды я по тупости напоролся на присыпанного песком «ежа» – хромал два месяца и только чудом не помер от заражения крови или столбняка. Ну и конечно тот факт, что я вовремя достал пару блистеров с пенициллином и прилежно жрал по таблетке в день. Правда, если вспомнить, что именно пришлось отдать за таблетки, то лучше бы я сдох – отнес на толкучку практически новый шахтерский фонарик.

Подпрыгнув, я уцепился за выщербленные кирпичи и, подтянувшись, одним рывком оказался на подоконнике. Изображать из себя неподвижную мишень не стал – смотря куда ставлю ноги, мягко спустился на пол, шагнул в темный угол и присел, одновременно доставая из кармашка метательный нож. Рукоять привычно влипла в ладонь, ее ощущение подействовало на меня успокаивающе. Пару минут я неподвижно сидел, пока глаза привыкали к сумраку. Убедившись, что вижу отчетливо, в два мягких шага оказался у двери и, рывком выглянув в коридор, тут же дернулся обратно. Нормально, опасности нет – за долю секунды успел оглядеть узкий коридор, и убедился, что он пуст. Нет даже развалившейся мебели. Вообще ничего нет, кроме слоя пыли на полу и стенах. И дверь пропала – вместо нее пустой дверной проем с мясом вырванным косяком. Работа мутов-мусорщиков – они волокут к себе в подполье все подряд без разбору. Натура у них такая... мусорная.

В остальные комнаты заглядывать не стал и быстро проскочил короткий коридор, стараясь не шуметь. С рюкзаком за спиной это не так-то и легко, но оставить все свои вещи под остовом грузовика я просто не смог – жаба задавила. Вот будет смех, если я здесь ничем не разживусь, а за это время мой рюкзак сменит владельца. Нет уж.

Задержался я только на лестничной площадке, где вновь опустился на колени и внимательно осмотрел замусоренный пол. Ничего. Ни следов неизвестного, ни капель крови. Всю площадку покрывал нигде не нарушенный желтоватый налет песка. Здесь никто не проходил как минимум несколько недель, а то и больше.

«Помер прямо в подъезде?» – мелькнуло у меня в голове. Изогнувшись словно змея, я осторожно перегнулся через перила и разочарованно обзрел пустую коробку подъезда с покосившейся дверью. Ничего интересного, кроме ключев облезшей краски, бетонной пыли вперемешку с песком и засохших людских экскрементов.

– Да чтоб тебя! – не сдержавшись, выругался я во весь голос. Зря потел и изображал из себя невесть что.

«Тоже мне, великий разведчик пустыни!» – мысленно отругал я себя – «Сколько раз тебе Тимофеич говорил первую заповедь – не включай воображение, не включай воображение!».

А ведь прав был старик, пусть песок будет ему мягок! Стоило мне увидеть несколько капель крови (а кровь ли это вообще?) и сдвинутую с места дверь, как сразу включилось воображение и мысленно дорисовало умершего незнакомца с битком набитым рюкзаком за плечами и связкой снаряженных огнестрелов! Небось, подраненный джейран налетел боком на дверь и помчался дальше, уходя от горе охотников. А я придурок наивный губы раскатал на богатую добычу.... Эх...

Уже не таясь, я шумно прошлепал по выщербленным бетонным ступеням, на ходу пряча нож обратно в кармашек. Сделал несколько шагов к двери и только собрался было выглянуть на улицу как краем глаза зацепил что-то темное на полу и остановился словно вкопанный. Не двигаясь, скосил глаза вниз и с обмиранием увидел цепочку темных пятен пересекающих пол и уходящих мне за спину... лопухнулся...

Медленно подняв руки с растопыренными пальцами вверх и в любой момент ожидая удара ножом под лопатку, я сорванным голосом просипел:

– Я просто прохожу мимо. Я не по твою душу. Просто прохожу мимо.

Ответом мне была тишина, но удара не последовало, что радовало несказанно. Постояв несколько мгновений, я не выдержал и обернулся, а в следующую секунду проклял свою непроходимую тупость – как я мог забыть, что в пятиэтажках вход в подвал находится именно в подъезде. Похоже, относительно спокойная зима подействовала на мои мозги сильнее, чем я думал. Расслабился...

В стороне от первого лестничного пролета в стене зияло черное отверстие почти квадратной формы, на пороге виднелись все те же пятна. Видимо ранение оказалось настолько

серьезным, что у незнакомца не хватило сил подняться по ступеням, и он предпочел укрыться в подвале. Наклонившись, я окунул палец в самое большое пятно и, поднеся к носу, принялся. Столь знакомый запах... теперь все сомнения отпали – это была еще толком не свернувшаяся кровь.

Глядя на зияющий провал, я невольно призадумался. Желания спускаться не было. Закрытых помещений я всегда старался избегать по мере возможности. Особенно незнакомых подвалов, где полно технологических ниш, немыслимым образом перекрученных ржавых труб, непонятных закутков и каморок – в общем, целый лабиринт. Но в этом случае выбора нет. Воспоминание о том, что из еды у меня остались только наполовину полная алюминиевая фляга военного образца и несколько ломтиков подсушенного черепашьего мяса, придало решимости и, проклиная все на свете, я шагнул вперед.

Но сегодня удача на самом деле улыбалась мне. Далеко идти не пришлось. Едва я спустился по пологой металлической лестнице, как наткнулся на лежащее ничком тело. Судя по неестественной застывшей позе это холодный труп. Труп мужчины. На это указывали коротко подстриженные волосы, мощная спина и широкие плечи обтянутые... обтянутые... да быть такого не может!

Опустившись на корточки над трупом, я замер в ошеломлении, граничащем с шоком. Сам труп для меня не был чем-то необычным – я постоянно наткался на человеческие останки во время вылазок в городские джунгли и пустыню. Меня вогнал в ступор внешний вид незнакомца. С ног до головы мужик был облачен в камуфляж песчаной расцветки! Подобную одежду мне приходилось видеть кое-где, но всегда в разрозненном виде и в крайне плачевном состоянии, заплатка на заплате. Здесь же камуфляж в полном комплекте и новехонький до хруста! Обхватывающая голову незнакомца бандана той же расцветки. Шанс увидеть в нашем городе полный комплект новехонькой песчанки был нулевой. До сего момента...

Надетый на труп камуфляж портили две неаккуратные окровавленные дыры на спине. Одна на правом плече, другая чуть ниже и ближе к середине спины. Рана от огнестрела, несомненно. Удивительно, что с такими тяжелыми ранениями, ему хватило сил уйти от противника и забиться в укрытие. Легкое пробито гарантировано.

Настоящий катарсис я испытал, когда перевел взгляд ниже – на ногах красовались самые настоящие ботинки с толстой ребристой подошвой. На расстоянии шага лежал вместительный рюкзак и о чудо! – тоже камуфляжной расцветки! Рядом с рюкзаком пистолет, который я тут же заграбастал и, не разглядывая, сунул за свой потертый солдатский пояс с выбитой пятиконечной звездой на пряжке. Следующим движением я схватил рюкзак и неосознанно прижал к груди.

Вот это сvezло, так сvezло...

А ведь несколько часов назад я и не представлял себе, что мне улыбнется такая удача. Максимум на что я рассчитывал, так это накопать в окрестностях сладких луковиц тюльпанов, наткнуться на выползшую из норы черепаху или поймать пару юрких ящериц. А тут такое!

В мои загребущие руки попало настоящее сокровище. Пусть камуфляж прострелен и испачкан в крови, я с большой выгодой легко обменяю его у барыг на такое количество продуктов и воды, что смогу неделю не покидать свою уютную берлогу! А пистолет! Ботинки! А еще не открытый рюкзак!!!

И вот тут, как-то рывком и сразу, ко мне пришло чувство неосознанной опасности. Все-таки я полный кретин. Мужик ведь не своей смертью помер, кто-то ему сильно помог и теперь рассчитывает захватить заслуженную добычу. А мне просто повезло оказаться на нужном месте чуть раньше, чем настоящему охотнику, сейчас, несомненно, идущему по кровавому следу. И он очень сильно огорчится, когда обнаружит, что его кто-то опередил.

«Надо рвать когти! Прямо сейчас!» – прошелестело в мозгу, и я принялся за дело.

Найденный рюкзак с неохотой отложил в сторону и начал разоблачать погибшего, путаясь в непривычных застежках и липучках. Но я справился. Чтобы раздеть труп до белья мне понадобилось не больше пяти минут, еще три ушло на утрамбовку вещей в собственный рюкзак. Последний раз крутнувшись на месте, я убедился, что ничего не забыл и поспешно загромыхал вверх по лестнице, с хрустом давя сбежавшихся на запах еды насекомых.

Не обращая внимания на подъездную дверь, поднялся на один лестничный пролет и нырнул в первую попавшуюся квартиру. Короткая перебежка до задней комнаты и прыжок в окно, на песочную кучу у стены. Да, я сильно рисковал, когда прыгал на песок, там могло скрываться все что угодно, например торчащая вверх ржавая арматурина, способная вспороть меня от брюха до шеи, но осознал я это лишь через десяток минут, когда запыхавшись, перевалился через каменный забор детского сада и обессилено рухнул на землю.

Одна радость – микрорайон окраинный, здесь редко кто бывает. По очень простой причине – слишком близко к пустыне, откуда лезут мутировавшие твари, привлеченные запахом поживы. Одни скорпионы и здоровенные мохнатые фаланги чего только стоили. Но это еще мелочи. Случалось сюда забредали ведомые чувством голода вараны. Вернее сюда являлись те твари, чей предок некогда был серым вараном – во всяком случае, именно так говорил Тимофеич. Теперь же это бронированное чешуйчатое уродище, с длиннющим хвостом, здоровенной пастью и дико токсичной слюной. Лично я видел варанов до четырех метров длиной, но ходили слухи и о более крупных монстрах, живущих около давно заброшенной урановой шахты, что расположена в пятидесяти километрах от города. Встретиться даже с молодым вараном без огнестрела в руках означало быструю и мучительную смерть. Единственное приятное в тварях – зимой они впадали в спячку, и до весны о варанах можно было не вспоминать. Вот только сейчас шел первый месяц весны. Время, когда вся пустыня начинала пробуждаться от зимнего сна. Когда изголодавшиеся рептилии выбираются на поверхность и ищут поживу.

Переведа дыхание, я с усилием заставил себя подняться на ноги и, сгибаясь под тяжестью двух рюкзаков, потрусил дальше, не забывая крутить головой по сторонам и поглядывать под ноги, на бугристый песок и асфальтовое крошево. Главное успеть дотащить барахло в укромное место и не попасться никому на глаза. Город хоть и кажется вымершим, но на самом деле жизнь здесь бьет ключом. Вот только льется из этого ключа не родниковая вода, а грязевая жижа с вонючим запахом разложения. Лишь бы никто меня не засек, лишь бы никто не засек...

Это было второй заповедью Тимофеича – стремление к полной анонимности. Чем меньше людей и мутов знает, где я живу и чем занимаюсь, тем больше у меня шансов дожить до следующего утра. А жить я хотел очень сильно, поэтому старательно впитывал в себя крупницы драгоценного знания, щедро даваемого Тимофеичем. Я никогда не произносил этого вслух, но всегда считал старика отцом. Человек, которому я обязан жизнью и которого не смог уберечь. Единственный кто был мне по-настоящему близок.

Именно что был – четыре месяца назад старик пошел на толкучку купить пару баклажек с артезианской фильтрованной водой и больше не вернулся. Нашел я его уже в сумерках, лежащим навзничь на разбитых стеклоблоках. Опознать Тимофеича удалось только по многочисленным зоновским наколкам и клочкам седых волос – лицо превращено в кровавую кашу откуда выглядывали обломки костей, тело искромсано в клочья осколками стеклоблоков, в которые старика буквально втоптали еще живым.... Страшные воспоминания.... В тот день я первый раз в жизни серьезно напился...

Пока размышлял о событиях прошлого, ноги уже пронесли меня через весь микрорайон на окраину города, где и находилось мое убежище. Мой дом.

Это самый край города. Дальше – только бескрайняя пустыня. Когда-то в прошлом здесь в ряд, зажатые с боков мощными панельными пятиэтажными домами, стояло три кирпичных четырехэтажки. Из них к настоящему моменту устояла только одна, самая крайняя, красующаяся облупленным номером «13» на боковой стене. Воистину ирония судьбы. Но мой путь лежал не к уцелевшему зданию, а в противоположную сторону. К номеру пятнадцать, от которого осталось лишь несколько каменных зубов, сиротливо торчащих из желтого песка.

Добравшись до полого склона бархана, не останавливаясь, я вскочил на выдающийся из песка каменный бордюр и уже по нему поспешил дальше, огибая обрушившееся здание по периметру. Оказавшись с тыльной стороны дома внимательно огляделся по сторонам, особенное внимание уделяя дрожащему мареву пустыни. Убедившись, что не наблюдаю никакого движения, сбросил рюкзаки на песок и, упав на колени, принялся с остервенением разгребать сыпучий песок. Через минуту упорной работы обнажились контуры квадратного металлического люка и пластина прикрывающая скважину замка, ключ от коего висел у меня на шее на прочном волосяном шнурке. Механизм замка мягко щелкнул, втягивая в свое нутро мощные стальные стержни. Откинув крышку люка, я сбросил добычу вниз и поспешил следом, заученно нащупывая скобы ступенек. Поддерживаемый мною люк мягко и бесшумно опустился на место, отрезая меня от внешнего мира.

Осталось последнее и самое важное – нащупав на стене рычаг, я с силой опустил его вниз до упора, вернул в прежнюю позицию и повторил всю процедуру сначала. Видимого результата не было, но я знал, что в двух метрах над моей головой скрытая в толще бархана железная пластина едва заметно шевельнулась и обрушила на люк солидную порцию песка. Теперь если кому и вздумается забрести за давно рухнувшее здание, то он не увидит ничего кроме опостылевшего песка и унылых шаров перекасти-поля. Именно поэтому я так старался идти по бордюру и асфальту – чтобы не оставлять следов. А если где и наследил, посвистывающий над городом суховея скоро выровняет песок и загладит мои огрехи.

Все... я дома... в безопасности... можно перевести дыхание и успокоиться...

Убежище представляло собой сложное переплетение скособоченных коридоров и трех крошечных каморок-комнатушек. Кое-где из стен выдавались проржавелые трубы бывшей канализации и водопроводной системы. Растресканный бетонный потолок нависал над самой головой, в некоторых местах приходилось пригибаться. Темно здесь не было – через специально оставленные отверстия, проникали редкие солнечные лучи и свежий воздух. Тимофеич предусмотрел все, включая вентиляцию.

Подхватив рюкзаки за лямки, я потащил их за собой волоком – марш бросок меня настолько вымотал, что сил не осталось. Хорошо идти недолго. Пройдя коротким коридором, я ввалился в жилую комнату и, не разуваясь, рухнул на жалобно заскрипевшую пружиной кровать. Нашупал висящую на поясе флягу и жадно к ней присосался. Мутноватая артезианская вода хлынула в пересохшую глотку и дальше, в скорчившийся от жажды желудок. Я не останавливался, пока фляга полностью не опустела. Придется сходить на толкучку в ТЦ, к продавцам воды. Оставаться без воды нельзя. Вот только подорожала водичка-то, подорожала. Если раньше за литровую флягу барыги просили две-три тюльпанные луковицы, в крайнем случае, небольшую черепаху, то теперь цены взлетели больше чем вдвое. А добычи вокруг города становилось все меньше и приходилось отходить дальше и дальше. Вчера, чтобы добыть хоть что-то съестное, мне пришлось уйти ажно к пересохшему озеру и дальше, за разрушенные корпуса водовода. А это уже серьезный риск. Правда, вернулся я не пустой.

Вставать не хотелось категорически и, прислушавшись к ноющим мышцам, я позволил себе полежать еще немного, бездумно глядя в темный бетонный потолок. Историю возник-

новения нашего со стариком дома я слышал много раз и всегда поражался упорству жилистого зека, сумевшего в одиночку обустроить такую берлогу.

О том, что под обрушившимся зданием остались свободные пустоты не знал никто – кроме старика Тимофеича. Кирпичный четырехэтажный дом был более чем преклонного возраста – его строили в семидесятых годах двадцатого века. Дом пережил месяцы сумрака, ядерную зиму и сдался лишь перед неистовой яростью пустыни. Когда перекрытия и стены не выдержали натиска ветра и песка, они сложились внутрь и похоронили под собой немало людей. Чудом уцелевшие жильцы мрачно поглядели на заносимые песком руины, покопались по краям и отправились искать новое пристанище, благо пустых домов в округе хватало.

А Тимофеич остался. Как он потом рассказывал, ему очень уж жалко было оставлять все добро, что имелось в родной квартире. Не хлам годный лишь для любования, а инструменты, какое-никакое оружие и множество хозяйственных мелочей. Старик жил здесь больше двадцати лет, с тех пор как откинулся с зоны и осел в городе, где большая часть домов была построена руками зеков. Тимофеич принялся за раскопки, мудро рассудив, что если стены и сложились, то небольшой подвал с толстенными бетонными стенами мог и уцелеть. А в том подвале немало полезных вещей. Старик копал больше недели, борясь с постоянно осыпающимся песком и кирпичными обломками. И докопался.

Как он рассказывал, на засыпанный колотыми кирпичами проход удалось наткнуться, когда сил почти не осталось. Сюрпризы на этом не кончились. Стоило вытащить весь мусор из прохода, как открылась следующая щель, за ней небольшая сквозная каморка, дальше больше. Так, совершенно неожиданно для себя, Тимофеич оказался обладателем обширного подземного убежища, защищенного мощными бетонными перекрытиями, десятками тон строительного мусора и толстой подушкой постоянно наносимого песка. Старому зэку хватило ума скрыть следы работы от чужих глаз, и он принялся обустраивать новое жилище, благо руки у него были золотые. И строительного опыта в избытке – много лет Тимофеича кидали с одной социалистической стройки на другую. Поневоле научишься, наберешься опыта и знаний.

Вскоре бывший зэк окончательно обжился, привел все в порядок, закрыл щели ненужные и открыл необходимые – для освещения и вентиляции, не забыв оснастить их прочными заслонками. Так и стал себе жить дальше. А двадцать шесть лет назад, весенним апрельским утром, бредущий по своим делам старик услышал доносившийся из заброшенного здания жалобный детский плач. Так в жизни старика появился я...

Наклонив голову, я взглянул на соседнюю кровать – предельно аккуратно застеленную старым одеялом без единой складочки. На подушке лежали выточенные из пластика четки – на старости лет Тимофеич ударился в религию и частенько молился Иисусу. Грешки прошлого замаливал. Сколько раз я ему не объяснял, что Бог уже отправил нас всех в ядерный ад, старик лишь отмахивался и продолжал свое.

Почувствовав, что еще немного и опять расклеюсь, я рывком сел и перевел взгляд на лежащий у кровати рюкзак камуфляжной расцветки. Пора ознакомиться с нахапанной добычей. Отстегнув пару липучек и развязав узлы стягивающего горловину шнура, я вывернул содержимое рюкзака на постель и ошарашено уставился на открывшееся взору зрелище. На старом штопаном одеяле бесформенной кучей лежало настоящее богатство.

Дрожащими пальцами я брал вещь за вещь и, благоговейно осмотрев и обнюхав, бережно откладывал в сторону. Пластиковые защитные очки с чистейшими неповрежденными линзами, семь банок армейской тушенки, несколько пар толстых носков – новых! – пять снаряженных пистолетных обойм, стельки к ботинкам, аптечка, несколько длинных изогнутых предметов, в которых я со священным ужасом опознал обоймы к автомату – видел такие у охранников с ТЦ. Еще один предмет вызвал у меня искреннее восхищение – плоский

прибор прямоугольной формы с небольшим экраном и идущей по верху надписью «Radex». Счетчик Гейгера... Как говаривал в подобных случаях Тимофеич, когда был искренне поражен – Святые угодники и иже с ними...

Вот здесь на меня и накатило. Во что я вляпался, когда позволил жадности возобладать над благоразумностью? В моих руках настоящий клад. Сокровище подороже многих. Из-за него меня найдут и порежут на мелкие ленты живьем.

Да и сам погибший более чем странный – новый камуфляж, оружие. Кстати... обоймы для автомата есть, а вот самого оружия на трупе не было. Только пистолет. Отсутствовал не только автомат. Я не обнаружил самого главного – фляги с водой. Пустыня с жадностью вытягивает влагу из человеческого тела и ни один разумный человек не рискнет отправиться в далекий переход без запасов воды. Погибший местным не был – тут я был уверен полностью. Белая чистая кожа практически без признаков загара, темно-русые не выгоревшие от палящего солнца волосы... Таких у нас не водилось.

Я торопливо покидал все вещи обратно в рюкзак и засунул его под кровать. Туда же отправились окровавленные тряпки и обувь, предварительно завернутые в чистый пакет – как вернусь, займусь чисткой. А пока надо дойти до ТЦ и послушать, что люди говорят. Стрельба из огнестрелов не могла пройти незамеченной для местных жителей. Может раз-узнаю чего интересного и воды заодно прикуплю.

Вот только сначала прошвырнусь по близлежащей округе, чтобы не приходиться на толкучку с пустыми руками. Воды во флягу просто так не нальют, а на обмен у меня ничего нет. Предлагать вещи мертвеца я точно не собирался. Умом еще не тронулся. У меня, конечно, было заныкано несколько интересных предметов для обмена, но зачем трогать припасенное на черный день, если можно пробежаться по пустыне? Как говаривал Тимофеич – волка ноги кормят.

Сборы не заняли много времени. Вскоре я размеренно шагал прочь от убежища, направляясь к виднеющейся чуть поодаль песчаной горе, чья вершина увенчана поблескивающим издали металлом. Некогда там стоял памятник – тем самым геологам, что обнаружили в сердце пустыни залежи золота и урана. В те далекие социалистические времена над внешним видом памятника никто не стал особо заморачиваться, и высекать из камня подобающие случаю скульптурные композиции – просто-напросто взгромоздили на гору списанный грузовик, с высоченной буровой вышкой вместо кузова. Все это дело покрасили серебрянкой, и памятник был готов. После войны за памятником никто не следил, он медленно ржавел и разваливался на части. Серебрянка оказалась неожиданно стойкой и все еще держалась в некоторых местах, сверкая под лучами солнца. На тыльной стороне высокой бетонной площадки до сих пор виднелась памятная надпись. Ее смысл я понял благодаря помощи Тимофеича. Многие буквы бесследно исчезли, но кое-что все еще можно было прочесть: «В честь геоло. ов по. оживших нача. о промышлен. ого освоения...».

Сейчас на вершине располагался наблюдательный пост – за горой разлеглась узкая и длинная долина, по ней пробегала разбитая асфальтовая дорога, служившая официальной границей. По ту сторону дороги лежали бывшие дачи, теперь захваченные мутами и превращенные в их поселение. Обычному человеку туда лучше не соваться. Сожрут за милую душу. К «чистым» там относятся, мягко говоря, с большой нелюбовью. И это чувство взаимно. Поэтому сидящие на горе наблюдатели нет-нет да посматривают в сторону дачного поселка. Давно ходят слухи, что внешние муты собираются навеститься в гости. И отнюдь не с дарами.

Выйдя на вытопанную в песке тропинку, я пересек ее и, увязая в горячем песке по щиколотку, начал взбираться вверх по слону бархана. Едва поднялся и сразу же засек несколько тощих, укутанных в грязное тряпье фигурок, бредущих по тропинке и старательно осматривающихся.

Конкуренты, блин.

Так же как и я на охоту за тюльпанами и ящерицами вышли. Вот только им ничего не светит – по тропинке идти, конечно, легче, но добычи там нет. Взглянув на горе добытчиков презрительным взглядом, я хотел сплунуть, но вовремя одумался и сглотнул вязкую слюну. Фляга пуста, а мне еще как минимум пару часов по пустыне бегать. Не стоит тратить драгоценную влагу на выражение эмоций.

Стоя на пологом песчаном холме расфокусированным взглядом оглядел ближайшую местность и наткнулся взглядом на ярко-красное пятно, резко выделяющееся на желто-сером фоне песка. Вот это дело.

Шустро перебирая ногами, скатился вниз и поспешил к одинокому цветку. Место тут людное, хлебалом щелкать не след – по негласному закону, кто первым успел, того и добыча. Опустившись на колени рядом с цветком, снял с пояса остро отточенную саперную лопатку, вонзил ее в землю на всю длину лезвия, поддел и выворотил целый ком земли. Осторожно раздробил его пальцами и у меня в ладони оказался полностью выкопанный тюльпан с неповрежденной луковичей бурого цвета. Хорошая такая луковичка, крупная. Бережно уложив цветок в рюкзак, затянул веревку на горловине. Поднял с песка лопатку, глянул на лезвие, словно собираясь отряхнуть с него налипшую землю и, перехватив ее в метательный хват, крутнулся на пятках, заноса руку для броска. Стоявшие у меня за спиной не ожидали такого финта и с нечленораздельными воплями шарахнулись в сторону.

– Битум, стой! Стой! Это же мы! Ты чего?!

С трудом удержав руку, я взгляделся в грязные и обросшие густой щетиной лица. Опознал и грязно выругавшись, всадил лопатку в петлю на поясе. Федька и Джамшид, неразлучная парочка любителей дурман-травы. Худющие, трясущиеся в непрерывной дрожи, несмотря на палящие лучи солнца. Вот значит, кого я видел на тропинке.

– Дебилы! Мать вашу так! – буркнул я, еще не до конца успокоившись – Нельзя к человеку со спины подходить! От дури мозги совсем сплавилась? Смерти хотите?

– Битум, да ты чего? Чего ругаешься-то? – забубнил Федька, вытягивая перед собой пустые ладони – Че такой нервный?

– Ошиблись мы – оскалился Джамшид, показывая гнилые зубы с зеленым налетом от насвая – Не бижайся сильно так, начальника.

– Начальники тридцать лет назад вымерли – чуть более миролюбиво фыркнул я – Не делайте так больше! Надо подойти – окриknите издалека, а потом уже подходите, и руки на виду держать не забывайте. Поняли?

– Поняли, Битум, мы вообще понятливые – закивал Федька и, пошарив внутри своего тряпья, протянул мне свернутый пакетик из полиэтилена – Возьми, друг, закинься насвайчиком! Хороший очень!

– Не – поспешно отказался я, с опаской глядя на грязный пакет – Сами свою дурь хавайте. Небось намешали туда чего ни попадя.

– Как знаешь, Битум – философски пожал плечами Федька, проворно насыпая на ладонь щепотку насвая – Сами делали. Табак, чуток солененькой золы саксаула, кропаль извести...

– И дурман-трава – с насмешкой продолжил я – Что я вас не знаю что ли? Ладно, некогда мне болтать. Чего хотели?

– Позрать бы цего – бесхитростно признался Федор, едва двигая оттопырившейся нижней губой, у него под языком примостилась очередная порция насвая.

– Да! Зрать кочется! – поддержал напарника Джамшид, умильно заглядывая мне в глаза.

– А я тут причем? – деланно удивился я, поглядывая по сторонам – Кушайте, конечно. Я вам вроде не запрещал.

Услышав мои слова, оба доходяги зашлись в булькающем смехе, будто услышали самую лучшую шутку в жизни.

Утирая стекающую по подбородку зеленую струйку, Федька, все еще смеясь, выдавил:

– Не запрещал. Вот только жрать нечего. Совсем нечего.

– Нечего! – радостно заухмылялся плохо знающий русский Джамшид, исправляющий недостаток познаний при помощи мимики.

– Короче, от меня-то что хотите? – начал я злиться – Кормить вас не собираюсь.

– Нет, Битум, нет – замахал руками Федька, взявший на себя все тяготы переговоров – Хотим половину добычи! Только половину, друг! Ты убиваешь, а потом делим все по честняку. Мы тебя уважаем, дружбан!

– Какой добычи? – поневоле заинтересовался я. Похоже, наркоты наткнулись на что-то интересное, но не могут справиться самостоятельно.

– Ты согласен? – с подозрением переспросил Федька – Пополам?

– Ладно, пополам – нехотя кивнул я – Если возьмусь. Что там у вас?

– Ящерица! Большой ящерица! – встрял Джамшид, широко разводя ладони в стороны – Большой, большой!

– Вы что, простую ящерицу поймать не можете? – разочарованно протянул я и махнул рукой – Сами ловите. Там делить-то нечего – от силы полкило веса наберется.

– Нет! Битум, погоди! – Федор мертвой хваткой вцепился в полу моей брезентовой куртки – Там другая ящерица! Большая! Много мяса, хорошего вкусного мяса! На всех хватит! Мы поможем поймать! Честно!

С подозрением взглядевшись во взволнованное лицо Федьки, я убедился, что он не врет. Уж больно умильно смотрит на меня, с истовой надеждой в глазах. Секунду подумав, я кивнул:

– Ведите, сам гляну, что это за ящерица такая.

Наркоты синхронно закивали, Федька поспешно выплюнул насвай и, утерев губы, ткнул обшлюнявленной рукой в недавно пройденный мною бархан, за которым вилась тропинка.

– Там! Под камень залезла сволочь и шипит!

Джамшид поспешил в указанном направлении, обеими руками поддерживая сползающие ватные штаны и дергая головой.

– Джамшид покажет! Тут недалеко!

Хмыкнув, я убедился, что не оставил здесь ни одной вещи, проверил метательные ножи и бросил нетерпеливо переминающемуся рядом Федьке:

– Пошли.

Наркоты не соврали. Ящерица на самом деле была большой. Саму рептилию я не видел, но мне хватило оставленных ею на песке следов. Здоровая тварь. Никак не меньше полутора метра в длину, может чуть больше. Судя по взрыхленной земле, наркоты сначала сами пытались поймать и прибить ящерицу, но так и не преуспели. Разозленная рептилия нашла убежище под квадратной бетонной плитой, неведомым образом очутившейся среди пустыни. Постоянные ветра выдули из-под плиты песок, образовав достаточное пространство, чем и воспользовалась ящерица. Не обращая внимания на исходящее из-под плиты злобное шипение, я опустился на колени и еще раз изучил глубоко отпечатавшиеся в песке следы. М-да... ящерка то оказалась непростая.

Отойдя на пару шагов назад, я взглянул на своих помощников и буркнул:

– Это ушан.

– И-и что? – заволновался Федька – Хорошая ящерица, Битум! Чего ты? Не кидай!

– И то, что хрен она вылезет! Выгонять придется!

– Выгоним!

– Ну да, вы выгоните, как же. Дымовуху надо мастырить – хмыкнул я и, сбросив рюкзак на землю, из наружного кармана достал несколько сплюснутых шариков от пинг-понга и кусок бумаги. Пошарив глазами по песку, подобрал небольшой, но увесистый камень. Выбрав один из шариков, аккуратно завернул его в исписанный неведомым школьником клетчатый лист, туда же засунул камень, чиркнул добытой из джинсов зажигалкой и поджег уголок. Как только вспыхнул завернутый в бумагу пластик, затушил пламя и удовлетворенно кивнул, глядя на повалившийся густой едкий дым. Готово.

– Как только выскочит, не дайте ему уйти к бархану. Если увидите, что не справляюсь – мочите ящера камнями. Убить не убьете, но от меня отвлекете – морщась от дыма крикнул я наркотам.

Не дожидаясь их ответа, зашвырнул импровизированную дымовую гранату в нору и запрыгнул на плиту, выхватывая из петли саперную лопатку. Через мгновение из норы повалил вонючий серый дым, раздалось куда более громкое и яростное шипение.

Не понравился ящерке дымовой коктейль, ой не понравился. Дальше все закрутилось в бешеном темпе – из окутанного дымом отверстия, вместе с фонтаном песка, вылетел здоровенный ушан и, взрывая лапами землю, закрутился на месте, ища врагов. Ящерица выбралась наружу столь стремительно, что я среагировал с запозданием и мой удар пришелся в пустоту. Широкий замах не прошел даром, я вынуждено сделал пару шагов вперед, чтобы погасить инерцию удара и неожиданно для себя оказался прямо перед мордой ушана.

Завидев меня, ушан в бешенстве зашипел, показывая наливающуюся красным цветом пасть, утыканную страшными зубами. Дождаться укуса я не стал. С испуганным воплем взмахнул лопаткой снизу-вверх и с жутким хрустом вогнал лезвие нижнюю челюсть рептилии. В следующую секунду я беспорядочно кувыркался по земле, сбитый с ног мощным ударом хвоста. Остановиться удалось лишь через несколько метров. Пошатываясь, поднялся на ноги, и ошеломленно тряс головой, потянулся за метательными ножами. Первый нож я метнул практически наугад, целясь в середину клубящегося облака пыли и дыма. Второй нож сорвался в полет более целенаправленно – из облака на долю секунды показался кончик хвоста ушана и, мысленно дорисовав остальную тушу, я направил нож в середину туловища. Сорвал с перевязи еще пару ножей и застыл в напряженной стойке, готовый мгновенно отпрыгнуть в сторону. Но этого не понадобилось.

Облако пыли медленно начало оседать и вскоре я увидел ящерицу, старающуюся вновь заползти под плиту. Но засевшая в глотке лопатка уперлась рукояткой в землю и не позволяла этого сделать. Более того – при каждом рывке ушана она погружалась глубже в тело. В несколько прыжков оказавшись рядом с тварью, я прыгнул ей на спину, придавливая гадину к земле, а ножами начал наносить сильные удары в шею, стараясь попасть в хребет. Остановился я, лишь почувствовав, что рывки ушана перешли в судороги агонии и становятся все беспорядочней и тише. Кончено...

Почти свалившись со спины ящерицы, я на четвереньках отполз на пару шагов в сторону и обессилено привалился к нагретой солнцем плите. Огляделся по сторонам и не удивился, не обнаружив поблизости парочку наркошей. Трусливы они безмерно. Вроде и мозгов не осталось, а все за жизнь цепляются. Зацепив взглядом движение, перевел глаза на холм и злобно осклабился – вот они где, помощники фиговы – из-за гребня осторожно выглядывали две головы.

Выругавшись, тяжело поднялся на ноги и шагнул к затихшему ушану. Первым делом выдернул из туши метательный нож, подобрал с земли другой, затем ухватил ящерицу за лапы и одним рывком перевернул ее на спину, обнажая белесое чешуйчатое брюхо и разорванное горло. С усилием вытащив из раны лопатку, вернул ее в петлю на поясе. По-хорошему надо ее сначала очистить от песка и крови, но не здесь и не сейчас. Хорошая добыча всегда привлекает к себе желающих урвать кусок – в том числе и двуногих, любящих пола-

комиться за чужой счет. Требуется срочно оттащить ушана в город, прямиком на толкучку. Этим и занялся – достал из рюкзака кусок прочного брезента, бухту капроновой веревки и принялся готовить добычу к транспортировке. Расстелил рядом с ящерицей брезент и перевалил на него тушу. Вновь достал лопатку и сильным ударом отсек еще дергающийся хвост. К этому моменту подоспели наркoshi и предусмотрительно держась чуть поодаль, жалобно завывали в два голоса, словно пустынные шакалы:

– Ай какой хороший охотника! – причитал Джамшид, всплескивая руками и хлопая себя по коленкам – Ай какой молодца! Такой ящер убил! Ай-ай-ай!

– Ну, Битум ты даешь! – не отставал от него Федька, не сводя с ящерицы жадного взгляда – Ушана завалил! Ну... ну ты просто... да ты вообще... ну... короче ваще крутой...

– Не напрягайся – фыркнул я, обвязывая ушана веревкой – Чего-то хотели? Или просто посмотреть пришли?

– Битум, ты чего? А? Чего ты? – торопливо залопотал Федька, не рискуя приближаться. Знает падла, что накосячил. – Мы же договаривались! Помнишь? Договор у нас!

– Договор? – медленно повторил я – Да, был у нас договор. Помню что-то такое... как же там... а! Вот сейчас вспомнил! Вы вроде как подписались мне помочь убить ушана и тогда делим добычу пополам. Правильно я говорю?

– Но, Битум, братуха – забубнил Федька – Это...

– Что это?! – рявкнул я зло – Договор такой был! Но что-то я вас не видел, когда меня ушан порвать пытался! Да вы совсем нюх потеряли, нарки долбанные! За такую подставу, знаете, что бывает? Я вас сейчас на части покромсаю! И Пахан мне слова поперек не скажет! Я в своем праве! Все, валите отсюда! Чтобы я еще раз с вами связался!

– Вай, какой хороший охотника – словно заведенный продолжал бубнить Джамшид, мелкими шажками семени в сторону – Очень умелый охотника!

– Битум, погоди братуха, погоди – умоляюще проскулил Федька, уже попрощавшийся с мясом – Ну накосячили чуток, с кем не бывает? Сам знаешь, не охотники мы. Но ведь это мы тебе его лежку показали! Мы ящера под камень загнали! Мы! – нарк едва не стучал себя во впалую грудь.

– Чуток накосячили? – фыркнул я, разгибаясь – Это чистой воды подстава. Вы меня кинули, уроды! Или может так и планировали? А? Мол ушан меня порвет, а вы мой шмот хапнете?

– Да ты что, Битум! – шарахнулся назад Федор – Ты что! В мыслях не было! Ты нам как брат! Дружбан! Мы за тебя любому глотку порвем! Ты только покажи – и мы сразу рвать начнем! На части! На мелкие кровавые части, братан, все ради тебя!

– Короче, половину мяса не получите! Не заслужили! Но хвост так и быть забирайте. За наводку именно столько и причитается – десять процентов. Все честно.

– Битум...

– Я все сказал! – отрезал я – Либо берете хвост, либо валите отсюда к такой-то матери! И то, хвост еще отработать надо – дотащите ушана до толкучки!

– Лады, Битум. Договорились – глотая слова от спешки, согласился Федька – Договор!

Ишь как заговорил. Чувствует, что серьезно напортачили. Я еще добрый – часть мяса отдаю, другой давно обоих недоделков в бархане прикопал бы за такие дела. Но сегодня я и правда пишу добротой – воспоминание об утренней добыче грело душу, да и ушан оказался на редкость жирным. Я знал кому сдать тушу – Саиду, хозяину шашлычной, что притулилась в бывшем летнем кинотеатре, в двух шагах от толкучки. Заодно и наемся от пуза, а то живот недовольно урчит, намекая, что был пропущен не только завтрак, но и обед вот-вот пройдет без крошки съестного во рту. Саид пару кусков жареного мяса всегда даст. Не зажмет. Стол в зале для богатых клиентов не накроет, но я и на краешке кухонного стола могу перекусить. Я не гордый.

Глава вторая. Толкучка

До толкучки добрались без проблем. Запряженные в импровизированную волокушу нарки исправно дотащили тушу ушана до «красного здания», где находилась ставка Пахана и, сделав последний ударный рывок, финишировали на пяточке на отгороженной мешками с песком территории толкучки.

Мешки лежали в шесть рядов, образуя стену вровень с моей головой, поверху пущены витки ржавой колючки, здесь же стояли самые настоящие ворота грубо сваренные из арматуры. Бессадулин дело знал и постарался обезопасить свою кормушку – как-никак бывший вояка. По слухам, дослужился аж до полковника и не успел обмыть новый чин, как грянула война и все пошло радиоактивным прахом. Не знаю какими путями, но Бессадулину удалось не сгинуть во всеобщем хаосе тех лет – по рассказам Тимофеича творилось нечто ужасное. Более того, он не только выжил, но еще и хапнул солидный кус пирога. И умудрился удержать его, не поделившись ни с кем.

Ныне хитрый татарин является единоличным владельцем толкучки, где торговца гарантировано не обидят, но и не забудут забрать причитающуюся долю товара – за охрану. А товар здесь на любой вкус и цвет. Толкучка она и есть толкучка. Хотя вру – огнестрелами здесь не торговали. Стоило в городе появиться паршивому потертому ПМ, как его тотчас выкупали «весомые» люди – либо Пахан, либо Бессадулин. Причем в цене не обижали. А простому люду такие цацки не полагались. Хотя я сам обходился без огнестрелов. Ящерицу можно и так завалить, а с серьезными зверюгами типа варана я в конфликт не вступал и сразу делал ноги. Варана и с пистолетом завалить проблемно, куда уж мне с лопаткой.

Стоявшая у ворот двойка разномастно одетых охранников была мне незнакома. Так, пересекались пару раз на толкучке, но до знакомства дело не дошло. Тоже причуда Бессадулина – он категорически не поощрял панибратство базарных охранников с посторонними людьми.

– Ты глянь как прут-то! – заржал один из охранников, глядя на пытящих наркош.

– Ы-ы-ы – оскалился второй – Стараются. А хозяин рядышком идет и кнутом погоняет.

Не обращая внимания на подколки – скучно мужикам на солнцепеке стоять, вот и прикалываются – я остановил помощников и, откинув прикрывающий ушана брезент, вручил Федьке тяжелый хвост:

– Держи, заслужили.

Обрадованный Федор мгновенно спрятал хвост под полую рваного пиджака, но чешуйчатый конец свесился вниз и предательски заболтался промеж тощих ног, вызвав очередной приступ хохота у охранников.

– О-о – протянул первый постовой, глядя вслед поспешно ковыляющим прочь наркотам – Он их мясом кормит! Хищники, мать их!

Другой охранник – дюжий мужик под сорок, с ПМ на поясе – не поддержал шутки и уже на полном серьезе осведомился, кивая на окровавленную тушу ящерицы:

– На продажу? Если так, то с тебя пять процентов мяса. За вход. Либо мясом, либо деньгами. Сам решай.

– Ага, на продажу – кивнул я, и тут же добавил – Но не сюда. К Саиду тащу. Так что насчет пяти процентов не обессудьте – не дам.

– А что так? – деланно обиделся охранник – Толкучка тебе не угодила, значит? Товар налево сдаешь?

– Не налево, а реализую по более выгодному курсу – ухмыльнулся я – Ладно, мужики, бывайте.

Ухватив веревки, я перекинул упряжь через плечо и с натугой потащил тушу к виднеющейся стене летнего кинотеатра – шашлычной Саида.

– Эй! Погодь секунду!

Нарочито медленно повернувшись, я вопросительно уставился на окликнувшего меня охранника.

– Свежак? – спросил тот, кивая на тушу.

– Свежак – откликнулся я – Меньше часа назад самолично завалил. А что?

– Да ничего. Саиду передай, чтобы от туши пару кусков пожирнее для Медведя оставил. Лады?

– Передам – согласно кивнул я – Пару кусков пожирнее для Медведя.

Больше ко мне вопросов не возникло, и через пять минут я стучал в закрытые ворота шашлычной. В железной створке с лязгом отворилось крохотное окошко, на меня уставился чей-то подозрительный глаз, ощупавший меня с ног до головы. Видимо, мой внешний вид не впечатлил, и вышибала включил самый пренебрежительный тон:

– Чего надо, бродяга?

– Я к Саиду, по делу – миролюбиво отозвался я, хотя руки так и чесались от желания засунуть в окошко лезвие отточенной лопатки и посмотреть, что из этого получится. Вот ведь непраха – мужика я не знал. Видать Саид решил увеличить количество охранников.

– Много вас таких деловых – продолжал гундосить вышибала, окатывая меня облаком исходящего из рта смрада.

– Просто передай ему, что пришел Битум. По делу – буркнул я, настороженно оглядываясь по сторонам. Место здесь несколько на отшибе и я начал чувствовать себя неудобно.

– Битум? А че тогда не Рубероид? – гнусно заржал глаз.

– Ты, мля! – начал я потихоньку звереть – С первого раза не понял, что сделать надо? Давай, метнулся к Саиду и передал мои слова, да поживее, пока я тебя не поторопил пинком под зад! И рот прополощи что ли – а то вонь такая, что блевать тянет!

Услышав такой ответ, мужик от неожиданности поперхнулся очередной шуткой и надсадно закашлялся. Смрад усилился раза в два, и я невольно поморщился.

Едва отплевавшись, он сипло заревел:

– Да я тебя...

– Что здесь происходит, Гугнивый? – раздался знакомый мне голос Саида, отдающий металлом – Проблемы?

– Босс! Тут какой-то хрен с горы приперся и права качает! Ща я выйду, и проблем больше не возникнет!

– Саид Юрьевич! Это Битум – крикнул я в по-прежнему открытое окошко – По делу к вам.

– Битум? – голос Саида резко потеплел на пару градусов. Оно и понятно – я ему столько мяса свежака перетаскал, что и не сосчитать – Гугнивый! Открой дверь ипусти гостя. Битум, ты один?

– Один я, Саид Юрьевич. Вернее я и свежая туша ушана. Но на таком солнцепеке скоро преть начнет.

– Погоди секунду.

Окошко с лязгом захлопнулась и тут же заскрипела петлями небольшая дверка, врезанная в ворота. Выказывая уважение и доверие, Саид вышел на улицу первым. Демонстративно не смотря по сторонам, шагнул ко мне с протянутой рукой для рукопожатия. Сколько раз вижу, а все не могу привыкнуть к его внешности. Чистой воды азиатское лицо с приплюснутыми скулами, смуглая кожа и неожиданно яркие синие глаза смотрящие сквозь пряди густоющей пшеничной шевелюры. Полукровка, в котором причудливо смешалась кровь обоих родителей – русского отца сибиряка и коренной узбечки.

– Рад тебя видеть, охотник. Сколько не виделись? С неделю?

– Где-то так, Саид Юрьевич – улыбаясь, отозвался я, пожимая крепкую ладонь – Мяском разжился и сразу к вам.

– Вот и ладно – кивнул хозяин шашлычной и повлек меня к двери – Пошли, чайком тебя угощу. Гугнивый! В следующий раз Битума пускать сразу. И кликни кого-нибудь из поваров – пусть тушу на кухню тащат и сразу разделявают, да взвешивают.

Притихший охранник кивнул и скрылся за небольшой дверью слева – насколько я знаю, раньше там располагалась комната с машинами для показа фильмов, а теперь находились кухня, кладовка и прочие нужные помещения, причем большую часть из них пристраивали к имеющейся капитальной постройке летнего кинотеатра.

– Да! – вспомнил я – По дороге сюда перекинулся парой слов с охранниками толкучки. Один из них Медведем назвался и попросил передать, чтобы пару кусков пожирнее для него оставили.

– Медведь? Знаю такого – кивнул Саид – Хороший человек, хоть и на Бессадулина пашет. Сделаем.

Комментировать это высказывание я не стал. Неохота попадать между молотом и наковальней. Все в городе знают, что между Паханом и Бессадулиным произошла серьезная размолвка. Года два назад. И вот с тех пор все ждут, чем это дело кончится. А Саид работает с Паханом.

Ведомый хозяином, я спустился по бетонной лестничке и оказался в небольшом прямоугольном зале. Заведение Саида хоть и называется шашлычной, но больше похоже на ресторан – во всяком случае, именно так я их себе представляю и примерно такие вот картинки рассматривал в старых довоенных журналах, когда пережидал в своей берлоге зиму.

Аккуратные ряды небольших столиков, белоснежные скатерти, в воздухе чувствуется легкий аромат цветочного освежителя. Сложенный из бетонных блоков потолок подпирают четыре массивные колонны отделанные под мрамор. Крышу положили лет десять назад и на ее строительство согнали мутов, нарков и прочих доходяг со всего города. Дешевая рабсила – готовы пахать за кормежку. Вдоль дальней стены тянется барная стойка, там виднеются бутылки самых причудливых форм и размеров. По центру стойки расположена исполненная в виде гитары мраморная табличка, на ней короткая надпись: «Здесь, 27 августа 1979 года выступал Владимир Семенович Высоцкий». Кто это такой я не имел ни малейшего понятия, но знал, что раньше табличка висела на наружной стене рядом с входом. Именно Саид распорядился перенести вычурное мраморное панно внутрь, бережно очистить от грязи и повесить на самом видном месте. Хозяин барин.

Сейчас тут пусто – Саид открывается к пяти вечера, не раньше. Чуть раньше приходит большая часть персонала – официанты, повара и охранники. А пока в зале одна официантка, пикантно нагнувшаяся, чтобы поправить бахрому на скатертях. Проходя мимо, Саид мимоходом шлепнул ее по оттопыренному задку и пошел себе дальше. Официантка – симпатичная, между прочим – смущенно взвизгнула и сделала вид, что увидела нас только сейчас. Ага, ... так я и поверил. Еще одна, кто безуспешно пытается охмурить убежденного холостяка Саида. Осмелюсь я вот эдак игриво шлепнуть ее по попке, то шум поднялся бы невероятный – лапают, насилуют, вонючий бродяга, мут-недоносок и прочие оскорбления. Я не из тех кому разрешены подобные вольности.

Именно в подобные моменты я в полной мере ощущал свой незавидный статус охотника одиночки и почти бродяги. Разница между мною и, например тем же наркошей Федькой, заключалась лишь в том, что я не просил милостыни и сам добывал кусок хлеба. Ну, ... здесь я немного привираю – на хлеб из оранжерей может и не зарабатывал, но вполне мог позволить себе пару приятных мелочей без особого ущерба.

Усевшись за угловой столик, Саид велел принести чая, и пока мы ждали заказа, перешел к делу:

– Цена за тушу прежняя?

– Конечно, Саид Юрьевич – торопливо кивнул я, стараясь не прикасаться к белоснежной скатерти грязными руками – Для вас цена не меняется, вы же знаете.

– Знаю – согласился Саид – И цену это. Сейчас твоего ушана разделают и взвешают. Получишь все что причитается.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо, друг мой. Ведь мог и на толкучку оттащить, но про старых друзей не забываешь.

Вот в этот момент мне и поплохело.

Никогда!

Никогда за семь лет нашего знакомства Саид не называл меня другом. И вот ведь какое совпадение-то нездоровое получается – стоило мне наткнуться и обобрать «жирный» труп, как хозяин шашлычной снизошел до простого охотника-бродяги. Нет, мы и раньше чаек вместе пивали – пока повара оценивали мясо, но разговор всегда был прост и легок – долго ли продержится хорошая погода, снизятся ли взлетевшие расценки на мясо, обсуждение выдающихся форм трущейся рядом официантки. Ничего более. Никакого панибратства, каждый знал кто здесь хозяин, а кто грязный охотник. И меня такое положение вещей полностью устраивало. А тут я вдруг оказался «старым другом».

– Я с вами давно дело веду, Саид Юрьевич, с чего бы мне на толкучку товар нести?

– Вот и я говорю – помнишь ты о нашей дружбе – расплылся в широкой улыбке Саид.

Тут девушка принесла фарфоровый чайник с выцветшими розами на боках, и Саид самолично разлил чай по пиалам.

– Угощайся, Битум-джан – Саид протянул мне пиалу с терпким горячим напитком. Поблагодарив, я обеими руками принял пиалу и сделал крошечный глоток. Чай... и не просто чай, а очень хороший чай. Не те дешевые опилки сбываемые барыгами на толкучке.

– Нравится чаек? – заботливо осведомился хозяин заведения и, дождавшись моего кивка, спросил – За тушу что возьмешь? Есть талоны на еду, есть паханские.

– А напополам можно? – с надеждой спросил я, прикидывая будущие траты – Часть «паханскими», остальное талонами.

– Конечно можно, дорогой – сверкнул зубами Саид – Как хочешь, так и сделаем. Лена! Сбегай на кухню и скажи, чтобы поторопились там! А то человека ждать заставляем! И деньги сразу сюда – половина наличными, остальное талонами!

Официантка понятиливо кивнула и умчалась к превращенной в кухню кинооператорской.

– Спасибо, Саид Юрьевич – вновь поблагодарил я.

Саид отмахнулся – мелочи мол, не стоящие внимания и, подавшись вперед, сказал:

– Битум, тебя ноги кормят. Округу как свои пять пальцев знаешь. Не зря тебя лучшим охотником кличут.

– Да что вы, Саид Юрьевич, обычный охотник – засмутился я, чувствуя, как по позвоночнику начинают бегать противные мурашки. Меня редко хвалят. А если уж и скажут что хорошее про меня, то только когда требуется что-то, когда нужен я.

– Не прибедняйся – отмахнулся собеседник и, впившись в меня пытливыми глазами, спросил – Чужаков видел?

– Кого? – абсолютно искренне ответил я. Лично я видел только одного чужака – мертвого.

– Чужаков. Прибыли под утро. На армейском грузовике. Тринадцать рыл в камуфляже и все с огнестрелами. Калашаи, ПМ, у некоторых гранаты на разгрузке болтаются. Не успел повстречаться?

– Нет – развел я руками – Да и когда мне успеть, я ж с рассветом в пустыню умотал. Сами же говорите – меня ноги кормят. Вот свезло сегодня, ушана добыл.

– Ну да, ну да – покивал Саид – Еще успеешь увидеть – похоже, они в город надолго. Мой тебе совет – поосторожней с ними, уж больно они резкие. Чуть что не так сразу стволами в морду тычут. А утром стычка была – чужаки что-то с кем-то не поделили и до стрельбы дело дошло. Что и как толком никто не знает, но вот ведь что интересно – было тринадцать жирных кабанов, а осталось только двенадцать. Один исчез, как сквозь землю провалился. Такая вот история непонятная... – задумчиво протянул Саид и неожиданно выплюнул – А ты не натыкался на труп здорового мужика, прикинутого по последней военной моде? А, Битум? С дырами от пуль на камуфляже новехоньком.

– На труп? – состряпал я невинную физиономию – Да вы что, Саид Юрьевич. Откуда такая удача простому бродяге? Случись наткнуться, так я прямиком на толкучку побег бы – один только камуфляж бешеных бабок стоит. А вы говорите, что при них еще и огнестрелы имеются! Вот повезет кому-то!

– И не говори – поддакнул Саид – Лады, в общем, расклад такой – если узнаешь что про труп, то не забудь и мне на ухо шепнуть. В долгу не останусь, отблагодарю как следует, от души и с пониманием. Ты знаешь – я не скуп.

– Да что вы, Саид Юрьевич – замахал я руками – Какая еще благодарность? Мы с вами столько лет дело имеем. Если что замечу – вы первый узнаете.

– Добро – удовлетворенно кивнул Саид – И последнее. Прошли слухи, что чужаки ищут проводника. Местность здесь тяжелая, не заметят, как заплутают. А ты у нас охотник бывалый, все холмы и ущелья знаешь. Могут и к тебе обратиться с предложением. Понимаешь о чем я толкую?

– Понимаю. Если обратятся – пошлю куда подальше.

– Не понимаешь! – насупился Саид – Если обратятся, то для виду поломаешься, поторгнешься, а потом согласишься. Ну и мне маякнешь при первой возможности. При первой же! Теперь понял?

– А?! – опешил я – Саид Юрьевич, да зачем мне такие проблемы? Я в эти дела влезать не хочу.

– К тебе скорей всего и не подойдут. Сейчас их главный у Бессадулина в офисе засел. А у того своих охотников хватает. Это я тебе на всякий случай говорю. И помни, Битум, это не я тебя прошу, а сам Пахан просит. Учти!

– Понял – кивнул я, стараясь собрать расползающиеся как тараканы мысли.

– А вот и твои деньги – Саид принял из рук подошедшего Гугнивого небольшой матерчатый сверток и положил на край стола рядом со мной – Деньги за мясо и... как говорили раньше – небольшой бонус. Даже не думай отказываться – обижусь.

Прижав правую руку к сердцу, я взял сверток и не глядя сунул во внутренний карман куртки, одновременно поднимаясь на ноги.

– Большое спасибо, Саид Юрьевич. Не забуду.

– Вот-вот, не забудь – осклабился тот, пожимая мне руку – Забегай если что.

Беспрестанно кивая, я торопливо зашагал к выходу и опомнился уже на улице, когда за моей спиной сухо лязгнула дверь. В гудящей голове лишь две мысли: «Господи... что за хрень творится?» и «Во что я вляпался?»

Задумался настолько, что до ворот толкучки дошагал на полном автомате. Охранники уже сменились, но лишних вопросов задавать не стали. Осведомились лишь, продавать или покупать собираюсь и больше задерживать не стали.

Толкучка начиналась сразу за воротами, но торговали тут полным хламом. Прилавками служили расстеленные прямо на земле тряпки, на них и вываливалась бесформенная груда барахла выковырянного из под руин и завалов песка. Но очень редко здесь все же появлялось что-то стоящее. Один из ножей я нашел именно здесь и купил за смешную цену. Поэтому, пока шагал мимо, глаза привычно шарили по рядам товара, но ничего ценного и полезного я не видел.

Чудом уцелевшие стеклянные банки из-под маринада, жестяные крышки к ним же, рваные книги и журналы, кипы фотографий, детали от каких-то ржавых механизмов и приборов. Сами торговцы были под стать товару. Большею частью продавцами были согнутые годами старушки, мрачные бородатые деды и инвалиды. Жили тем, что по дешевке продавали самые разные мелочи накопанные в руинах. Хватило на бутылку мутной не фильтрованной воды и пару полосок тяжело пахнущего мяса – и ладно. День прожит не зря.

Серьезные торговцы располагались в самом ТЦ – во внутреннем дворе и уцелевших павильонах. Но и аренда там гораздо выше. Бессадулин своей выгоды не упустит никогда и жирных барыг имеет по полной программе. А тем деваться некуда – в городе нет более безопасного места для торговли. Тут и вооруженные охранники, и какой-никакой фэйс контроль на входе. Это только дураку в голову придет, что охранники на входе лишь для вида стоят. Отнюдь. Там мужики тертые, глазастые. Опять же, если за аренду платишь, то и ночевать здесь разрешено. Территория регулярно убирается от мусора, туалеты вовремя вычерпываются и засыпаются негашеной известью. Попробуешь отлить по быстрому на стенку какую за углом – мимом сграбастают, посмотрят кто это сыкун из себя, а затем и наказание вынесут. Если кто попроще – при всех в лужу собственной мочи хлебалом потычут, затем пару десятков пинков по разным чувствительным частям тела и свободен – можешь ползти куда хочешь. Если же кто побогаче и посерьезней на мочевого пузырь слаб оказался – того на деньги или часть товара наказывают. Столь же жесткие правила насчет сгнившей еды. Так что торговцы хоть и ворчали для вида, но платили всегда вовремя. Не задерживали. Иначе сразу за воротами окажешься.

У входа в здание ТЦ еще один пост, на этот раз посерьезней – четыре здоровых рыла с выставленными напоказ пистолетами на поясах из кожи варана. Но мой завидующий взгляд прилип к серым кожаным жилеткам. У варанов на спине шкура настолько плотная, что нож ее считай и не берет. Я давно подумывал себе такую вот жилетку завести, но возможности не позволяли. Дорого больно. Одна надежда набрести на издохшего варана и по-быстрому содрать шкуру. Размечтался... Вараны живут долго и живучие немислимо, им все нипочем. Опять же лишнее внимание привлекать не хочется – сразу всем интересно станет, откуда у бродяги такие деньги водятся. Не, нафиг. Перебьюсь как-нибудь.

Кивнув охранникам, я прошел внутрь и окунулся в полумрак большого здания, пропитанный самыми разнообразными запахами и гудящий голосами. Вот она настоящая толкучка. Сердце города. Длинные ряды прилавков заполненные различным товаром. Глаза разбегаются. Тут продавалось и покупалось все, о чем можно только мечтать. Лежащий во внутреннем кармане сверток с деньгами приятно грел сердце, а руки так и чесались поскорей их потратить. В голове жалобно заныл голосок, сетующий на уже разваливающиеся боты, рваные джинсы, а про брезентовую куртку и говорить нечего – заплатки ставить негде. Другой голосок сварливо напомнил, что надо думать о следующей зиме, когда охотиться невозможно, а кушать хочется все так же и даже чуть больше.

В этом случае внутренний голос был прав. В прошлом году дела шли неважно и минувшую зиму, я пережил с трудом. Не то чтобы умирал с голоду, но и не жировал. Да и зима на редкость холодная, снежная и долгая оказалась. Хорошо, что успел запастись саксаулом и углем, почти не сэкономил на обогреве.

Тут меня толкнули, и я выпал из воспоминаний, обнаружив, что стою посреди прохода, а вокруг меня течет людской поток. Мысленно выругав и себя и внутренний голос, развернулся и потопал в противоположную сторону. Туда, откуда тянуло запахом жареного мяса. Решительно прошел мимо небольшой закуской с несколькими грязными столиками напротив раздаточного окошка. Почти бегом миновал мясные прилавки, где роились сотни жирных зеленых мух, слетевшихся на запах прикрытого грязными тряпками мяса. Добравшись до конца прохода свернул в сторону и остановился перед небольшим металлическим столиком, за коим восседал мой старый знакомый Мурат. Что характерно, он в буквальном смысле слова сидел на деньгах – в роли кресла выступал здоровенный металлический ящик с товаром и деньгами.

Увидев меня Мурат неподдельно обрадовался и, всплеснув руками, затараторил:

– Ай-ай-ай! Какой гость пожаловал! Ай, Битум-джим! Совсем забыл про старика!

– Здравсте – поприветствовал я старого турка – Мурат происходил из ташкентских турков, что осели в Узбекистане еще в шестидесятых годах прошлого века и потихоньку расплозились по всей стране, смешавшись с коренными жителями – Как ваши дела, Мурат-бей?

– Твоими молитвами, дорогой, твоими молитвами! Ну, чем порадуешь старика? Есть чего? – жадно спросил Мурат, изредка покупавший ненужные мне самому находки – причудливой формы стеклянные и пластиковые бутылочки с пахучими молотыми травами, приправами и прочие подобные штуки. Сам я в еде особой привередливостью не страдал – была бы соль и ладно. Ну, перец иногда.

– Сегодня ничего нет – огорчено развел я руками – Я покупать пришел, а не продавать.

– Покупать? – брови Мурата удивленно взлетели вверх – Вай-вай, мир перевернулся! Чтобы Битум-джим решил потратиться! Пусть будет благословен Аллах, пославший тебя ко мне!

– Кхм – смущенно откашлялся я и неуверенно спросил – Мурат-бей, а кофе есть?

– Конечно есть, дорогой! Для тебя все что угодно есть! Тебе какой?

– Тот, что я у вас в прошлый раз брал – напомнил я – Порошковый, растворимый. Ну, что подешевле.

– Есть, как не быть. Самый ходовой товар, не залеживается – закивал продавец – Сколько возьмешь?

– А почему он сейчас?

– Цена та же, Битум-джим – за чайную ложку с горкой, беру не меньше десятки «паханскими». Но тебе за девять уступлю, по старой дружбе.

– А может и до восьми скинете, по старой дружбе-то? – попытался я поторговаться.

– Дружба дружбой, а зарабатывать все же надо – философски ответил Мурат, потирая ладони – Девять!

– Ладно – сдался я – Возьму по девять.

– Сколько берешь? – осведомился турок, вставая с ящика и приоткрывая крышку.

– Три... нет, пять ложек! – решился я, наощупь доставая из свертка купюры.

– Вай-вай, никак разбогател?

– Да где там – вздохнул я, ложа на стол стопку замызганных бумажек – Ушана сегодня завалил, да продал на мясо.

– Понятно – кивнул Мурат, проворно пересыпая бурый порошок из мутной стеклянной банки в целлофановый пакетик.

– Мурат-бей! В вашей ложке горкой и не пахнет! – поспешно завопил я – Добавьте чуток! Имейте совесть!

Ворча себе под нос, старый турок неохотно добавил в пакет еще несколько крупинок кофе и решительно закрутил крышку банки.

– Вот! Пять ложек с горкой! – мне в ладонь впихнули свернутый пакетик, деньги бесследно исчезли со стола, крышка ящика со стуком опустилась и заскрипела под весом усевшегося хозяина.

Бережно спрятав крошечный пакетик с драгоценным кофе в нагрудный карман, я попрощался с потерявшим ко мне интерес Муратом и направил стопы к внутреннему двору ТЦ. Там, среди многочисленных прилавков, складов и палаток, находились Мастерские принадлежавшие хозяину торгового центра Бессадулину. А главным там поставлен дядя Андрей. После Тимофеича он был вторым человеком, кому я мог доверить пару секретов, не боясь, что на следующий день об этом узнает весь город до последнего мута. А мне срочно требовалось посоветоваться и выговориться.

Ох, попал ты Битум, ох, попал в самое пекло.

Змеей-стрелкой проскользнув через внутренний двор, я проворно завилял между плотно стоящих сарайчиков, будочек и палаток, направляясь в дальний угол, где мелькали всполохи электро-сварки. Завернул за угол и вышел на обширную бетонную площадку, обычно пустующую. Но не в этот раз. Сейчас немалую часть площадки заняла туша огромного металлического монстра, поразившего меня до глубины души. Да, в недавнем разговоре хозяин шашлычной упомянул об армейском грузовике, на коем явились чужаки, но если эта штука когда-то и была грузовиком, то довольно давно и до того как над ним поработали очень умелые руки.

В нашем городке машин не то чтобы много, но редкостью они точно не были. Большею частью это переоборудованные автобусные развалюхи ПАЗ, ЛАЗ, несколько ушатанных ЗИЛов и неповоротливых КраЗов водовозов. С визгом и истошным криком «Вай дод шайтан!» от проезжающих машин мы не отпрыгивали. Лично я дважды удостоился чести прокатиться в кузове грузовика, когда с бригадой охотников ездил за сайгачьим мясом и заслуженно гордился сим немалым достижением. Опять же у меня в берлоге лежала целая стопка бережно сохраняемых журналов – по ним в свое время Тимофеич учил меня читать и я успел достаточно насмотреться на многочисленные фото блестящих автомашин довоенной эпохи.

Но подобную машину я видел впервые. Она внушала страх и уважение одним своим видом и больше всего походила на готовящегося к прыжку огромного варана. Приземистая, с шестью мощными широкими колесами. Кузов обшит металлическими пластинами, ветровое стекло забрано броневым листом с двумя узкими смотровыми щелями. Чуть позади кабины виднеется хищное дуло крупнокалиберного пулемета. Фары забраны железной мелкаячейистой сеткой. Но сильнее всего меня поразил бампер – изогнутые дугой стальные трубы, утыканные многочисленными шипами. Издали казалось, что неведомое чудовище оскалило клыкастую пасть. Пятнистая песчаная окраска только усугубляла схожесть с огромной пустынной тварью.

– Видок тот еще, да? – понимающе произнес подошедший охранник – Будто ящер здоровенный, мать его!

– Ага – машинально кивнул я – Тоже так подумал – как есть ящер.

– Вот и вали отсюда, пока я тебя этой твари не скормил! – рыкнул охранник, сменяя тон на лениво-угрожающий.

– А? – не въехал я сразу.

– Свалил отсюда, говорю! – рассерженно рыкнул черноволосый крепыш, опуская руку на кобуру с огнестрелом – Ну?! Сегодня мастерские на заказ закрыты. Если есть дело – приходи через пару дней, не раньше.

– Понял, командир, все понял – торопливо ответил я и, отступив на шаг назад, в примиряющем жесте поднял раскрытые ладони – Чего злишься-то? Я же просто смотрю.

– Да вы задолбали уже своими погляделками и оханьями! А если пропадет неровен час чего, то в ответе я окажусь!

– Нет проблем. Надо уйти – я уйду. Лишних неприятностей мне не надо.

– Вот и иди себе – успокаиваясь, фыркнул охранник, к моему облегчению убирая руку от оружия.

Кто знает этого мужика. Вдруг пальнет в живот? Такого ранения я боялся больше всего. Хотя нет, не пальнет – за впустую потраченный патрон Бессадулин по головке не погладит. Но вот кулаком в морду сунуть – за милое дело. А оно мне надо?

Сдав на несколько шагов назад, я выждал пару минут и, вновь окликнул отошедшего охранника:

– Уважаемый. Я вообще-то в мастерские шел к Андрей Палычу.

– Сказано же, что нельзя туда – лениво процедил сквозь зубы мужик – Приходи через пару деньков, когда весь шухер уляжется.

Высказавшись, он отвернулся и уставился на стену, показывая, что разговор окончен.

Вот ведь невезуха! А я так надеялся поговорить с Палычем!

Вздыхнув, я понуро зашагал прочь. Если мастерские загружены работой, то Палыч все равно не сможет выкроить для меня время – старший мастер как-никак. Зайду через пару деньков, а пока, раз уж пришел на толкучку, прошвырнусь по прилавкам и чем-нибудь перекушу. Хоть я и намеревался пообедать в шашлычной, но после разговора с Саидом позабыл обо всем. Ушел голодным и в близком к паническому страху состоянии. А сейчас меня немного отпустило, и желудок тотчас напомнил о себе недовольным урчанием.

Выбор я остановил на одной из бесконечной череды закусовых, и устало плюхнулся на протертое кресло, некогда бывшее водителем сиденьем. В качестве стола выступала приплюснутая крыша от той же машины, срезанная вместе с боковыми стойками, превратившимися в ножки.

Выглядывающему из раздаточного окна хозяину я показал два пальца. Понятливо кивнув, он засуетился у тандыра, раздувая притухшие угли. Помощник в небрежно накинутом поверх куртки замызганном фартуке скрылся за столом и когда появился вновь, держал в руках подозрительно выглядевший кус белесого мяса.

– Ящерица? – негромко осведомился я, демонстративно приносиваясь.

– Агама – ответил помощник, ловко отрезая от куска два солидных ломтя мяса – Вчера купили. Почти свежак. Молодая совсем – килограмма в четыре весом не больше. Мягонькая.

– Ну да – фыркнул я, не скрывая недоверия – Прожарьте хорошенько и специй не жалейте. Особенно жгучего перца.

– Сделаем – скупно кивнул повар, щуря заслезившиеся от дыма глаза – Будет тебе самый настоящий тандыр-кебаб, дорогой. Пальчики оближешь! Что пить будешь?

– А что есть? – осведомился я.

– Айран есть – начал загибать он пальцы – Самогончик есть, вино абрикосовое и яблочное – сам делал! Есть настойка крепкая с грибочками – стаканчик примешь, и жизнь сразу легче покажется.

– Настойки точно не надо. Самогон теплый, да? – предположил я и, дождавшись утвердительного кивка, принял решение – Тогда стакан айрана и пару полуторалитровых баклажек вина. Абрикосового. В айран соли побольше бухни.

Про хлеб и овощи я спрашивать не стал. Они может и есть, но стоят столько, что никаких денег не хватит. Если и гулять, то в меру. Хватит с меня мяса и вина. Уже праздник, учитывая, что моя обычная еда состоит из слегка солоноватого вяленого мяса, мутной артезианской воды и скудной подножной растительности.

Как у каждого здешнего жителя, у меня в мозгу всегда жило воспоминание о суровой снежной зиме, что длилась пять, а то и шесть невыносимо долгих месяцев. Зимой нельзя охотиться – хладнокровные рептилии и большая часть теплокровных забирались в глубокие норы и впадали в спячку до весны. Остальные животные уходили в более теплые и богатые

кормом места, мигрируя на сотни километров. Людям оставалось рассчитывать только на заблаговременно сделанные запасы еды, экономить на каждом волоконец мяса и молиться, чтобы провизии хватило до весны. Особенно тяжело приходилось таким как я – одиночкам. В стае всегда легче выжить – особенно женщинам, старикам, детям и ущемленным.

В одном из полуразрушенных микрорайонов существовала настоящая коммуна из инвалидов и стариков, выживающих совместными усилиями. Кто покрепче – копался в каменных завалах, беспомощные инвалиды торговали найденными вещами на толкучке, остальные старательно возделывали крохотные огородики, выращивая неприхотливую к поливу зелень. И ничего – выживали. Жили хоть и не богато, но от голода не умирали. Тем более что Пахан и Бессадулин показали в этом вопросе редкое единодушие, взяв стариков под защиту, объявив их неприкасаемыми и пообещав жестоко расправиться с любым, кто рискнет их обидеть.

– Держи, дорогой. Приятного аппетита – помощник повара плюхнул на стол треснутую пластиковую тарелку с мясом присыпанным щепотью мелко-мелко нарубленного укропа. Рядышком поставил две полуторалитровые пластиковые баклажки с вином и стакан с мутно-белым айраном. Каких либо столовых приборов не прилагалось. Нож у каждого свой, да и ложка всегда имелась. Поваренок небрежно обмахнул грязной тряпкой столешницу и замер в шаге от меня, с недвусмысленным выражением на лице.

– Сколько? – буркнул я, нащупывая сверток с деньгами.

– Девять паханскими или двенадцать талонов за все – ответил повар, высунув голову из кухонного окна.

– Десять талонами в самый раз будет – твердо произнес я, протягивая деньги помощнику – Ты меня никак за неместного принял? Я цены знаю.

– Хорошо, дорогой – со скрипом согласился повар, вновь скрываясь на кухне. Там же исчез помощник, и я остался один на один с тарелкой жареного мяса и бутылкой сладко-кислого вина. Вот он праздник. . . .

Вытащив нож, отрезал смачный кусок и, целиком запихав его в рот, с наслаждением заработал челюстями, заливая горло мясным соком. Хорошо! Мясо оказалось на удивление вкусным, в меру острым и хорошо прожаренным со всех сторон. Если и вино будет столь же хорошим, то сегодня жизнь точно удалась.

– Приятного аппетита, Битум-джан! – послышался тонкий заискивающий голосок.

Недовольно оторвавшись от обеда, я поднял голову и увидел Саху Сказочника – местный бродяжка, неотлучно крутящийся на толкучке и здесь же живущий. Изборожденное глубокими морщинами лицо, редкие седые волосы выбивающиеся из под засаленной кепки и бесформенное одеяние усеянное разноцветными заплатками. Я знал Саху всю жизнь и за прошедшие годы его облик ничуть не изменился. Разве что на одежке добавилось заплат, и появилась суковатая палка трость. Никто не знал, сколько ему лет, какой он национальности. Саха свободно разговаривал на русском, узбекском, казахском и по слухам даже китайском языках. Причем без малейшего акцента. Знал уйму историй, сказок, всегда обладал какой-либо информацией и был готов поделиться ею за небольшую подачку.

Подойти к столу Саха не решился и лишь жадно поглядывал на мясо и вино. Особенно на баклажку с вином – бродяга никогда не отказывался от выпивки. Как про него с непривычной теплотой в голосе говаривал Тимофеич – тот еще алкаш, советской закалки. Тимофеич же порой покупал и наливал Сахе сто, а то и двести грамм самогона. Для разогрева души – смеялся он.

– Спасибо – сухо кивнул я Сахе и вновь склонился над тарелкой, показывая, что не намерен продолжать беседу.

– Слухами базар полнится, слухами базар живет – пропел Саха, не двигаясь с места – Кто-то продает, иной покупает, третий на руку нечист. Угости старика пиалой винца и услы-

шишь поучительную историю, добавь к вину толику мяса, чтобы поддержать угасающие силы рассказчика и узнаешь немало интересного.

– Я не торговец, Саха – пробурчал я, пережевывая очередной кусок мяса – Неинтересно. Иди своей дорогой.

– Чертова дюжина чужаков появилась на горизонте и с размаху нырнула в наш омут, изрядно замутив прозрачную воду и пробудив спящих щук – торопливо выпалил Саха, и следующий кусок мяса завис в воздухе, не добравшись до моего рта.

– Чужаки? – медленно переспросил я – Знаешь, что о них?

– Слухи словно вода – просачиваются сквозь каждую щель и если редкие капли упадут на плодородную почву, то росток знания не замедлит проклюнуться и вырасти в стройное дерево мудрости и всеведения, ... но чтобы росток не зачах, а рот рассказчика не пересох, их надо обильно полить из кувшина твоей щедрости, друг мой Битум-джан. И вот тогда...

– Саха! Говори нормально! – рыкнул я, не выдержав потока бреда.

– Тринадцать чужаков прибыли в город – совсем другим голосом поведал бродяга, делая небольшой шаг вперед – На большом армейском грузовике. Если угостишь куском мяса и глотком вина – расскажу остальное. Что скажешь? Не слишком большая цена за горячую информацию?

– Горячую? – хмыкнул я – Саха, очнись. Про чужаков уже весь город знает. А грузовик я и сам видел, знаю и про огнестрелы.

– Рано утром была перестрелка – осторожно добавил Саха, с надеждой поглядывая на меня подслеповатыми глазками – Сильно стреляли. Ребяшня несколько пригоршней гильз насобираала, ... опередили меня, гаденыши пронырливые, обогнали старика немощного...

– Вот сейчас чуток теплом потянуло – сказал я и указал на рваное сиденье напротив – Садись.

Обрадованный Саха поспешил плюхнуться на предложенное место, потянулся было грязными пальцами к мясу, но я быстро пресек поползновения, отодвинув тарелку в сторону.

– Ну-ну – я укоризненно покачал головой – Так дела не делаются. Сначала убеди меня, что твои рассказы стоят куска мяса и пару стаканов вина.

– А не обманешь? А? – пытливо уставился на меня Саха, сглатывая набежавшую слюну. Потрескавшиеся губы смыкались и размыкались, напомнив мне о морщинистой черепашьей пасти. Столь же беззубой и столь же пересохшей.

– Сегодня ты второй, кто меня об этом спрашивает – усмехнулся я, неспешно отрезая небольшой ломтик мяса – Ты говорил о перестрелке?

– Да-да, о перестрелке – пробормотал бродяга, не отрывая жадного взора от моих мерно работающих челюстей – Знатно постреляли.

– Продолжай – поощрил я рассказчика.

– Ладно – решил Саха – Слушай. За трилистниками, что в окраинном бывшем новом микрорайоне, пришлые чужаки схлестнулись с кем-то из наших. С кем конкретно неясно, но поговаривают, что это были люди Пахана. Мол, обозлился он, что Бессадулин за его спиной договорился с чужаками. Чем закончилась стрельба, никто толком не знает, а кто знает, тот молчит. Одно известно точно – пришлых было тринадцать, а осталась только дюжина. Один исчез. Как под землю провалился. Бойцы Бессадулина весь город перетрясли, в каждый подвал заглянули, но так чужака и не нашли. Только следы крови на песке.

– Перестрелка была в бывшем новом микрорайоне? В том, что с тремя домами трилистниками? Уверен? – удивленно переспросил я.

Было чему удивиться – я наткнулся на труп во втором районе, а это считай другой конец города. Городок у нас маленький, но и здоровому человеку понадобится самое малое пару часов, чтобы преодолеть такое расстояние, через все руины и завалы. Прямого пути не существовало – только в обход и только если знаешь местность. Заплутать не заплутаешь

конечно, но время потеряешь будь здоров. Ну ладно – час. За час можно успеть, если знаешь дорогу, как пять пальцев. Если здоров и не истекаешь кровью. Как мог тяжелораненый чужой человек преодолеть путь в два с лишним километра через руины обрушившихся зданий и песчаные барханы? Он должен был умереть не преодолев и треть дороги.

– Ты точно уверен, Саха?

– Уверен, Битум-джан – довольно закивал плешивый Саха, проворно подтаскивая к себе тарелку с под остывшим мясом – А что?

– Да нет, ничего – внешне безразлично хмыкнул я – Просто странно это все. Что они в том районе потеряли? Там же один хлам... Но не мое то дело. Про чужаков понятно, что еще интересного поведает? – спросил я, сделав вид, что собираюсь забрать у плешивого информатора мясо.

– Еще? Битум, бойся Аллаха Милосердного! – возопил Саха, вцепившись в тарелку обеими руками – И так все как на духу рассказал!

– С чего бы мне это бояться гнева Аллаха? – с недоумением спросил я – Да я прямо как истинный правоверный живу – скармливаю с трудом заработанное мясо всяким обманщикам! Мясо отдай!

– Стой, Битум! Стой! Слушай! Пахан пообещал награду за пропавшего чужака – живого или мертвого. Солидный куш пообещал! Немного ни мало огнестрел «Макаров» и пять патронов к нему! Или другими товаром одарит – чего пожелаешь, то и получишь! Слово дал!

– Пряма-таки сам Пахан слово дал? – не поверил я.

– Клянусь! – торжественно зачавкал Саха, едва не подавившись плохо прожеванным мясом – Вот счастье кому-то подвалит! А?

– Это точно – поторопился я согласиться – Настоящий огнестрел! Да еще и с патронами!

«Тоже мне счастье!» – мысленно фыркнул я, вспоминая о содержимом пузатого рюкзака, что спрятан в укромном месте моей берлоги – «Там один только камуфляж на «Макаров» обменять можно!»

– Эх... я бы дурью взял! – с глубоким вздохом признался плешивый и вознамерился цапнуть баклажку с вином – От бы я закинулся дней на недельку!

– Э-э! Ты не балуй! Хватит с тебя и мяса! – буркнул я, отодвигая пластиковые бутылки подальше от загребущих рученок Сахи.

– Битум! Братан, душа горит!

– Пожары водой и песком тушить надо! – остался я непреклонным – Это ж вино! Ты его, что воду выхлебаешь и не заметишь! Слушай! Хочешь я тебе паханских грамм так на сто пятьдесят водочки отслюнявлю? А?

– На триста грамм! – поспешно выпалил Сяха и с подозрением спросил – А что делать надо?

– Да там и делать ничего не надо – успокоил я рыночного бродяжку – Делов-то как раз на двести грамм.

– Двести пятьдесят водочки и сделаю все в лучшем виде, ты же меня знаешь! Давай бабки!

– Угу – согласился я – Тебя хорошо знаю. Поэтому сначала дело, а потом уже бабки и водочка.

– Так чего делать-то надо?

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что нас никто не слышит, я наклонился поближе к немытому уху Сахи и вполголоса начал его инструктировать. Заняло все не больше трех минут – благо дело и правда простое – Все понял? – уточнил я, доставая из кармана черный целлофановый пакет и пряча в него вино.

– А ежели он-таки пальнет? – с опаской осведомился Саха, печальным взглядом прожояя емкости с вином – Ведь может, гнида такая! В ногу аль в задницу как шмальнет из пистоля!

– Не шмальнет! У них каждый патрон на счету – отмахнулся я – Станет он на тебя патроны тратить! Тебя ж вся толкучка знает! Самое главное – бежать не вздумай и все обойдется. Понял? Не беги!

– Да понял я, понял – пробурчал Саха – Может грамм сто сейчас опрокинуть, а? Для храбрости!

– Нет уж – фыркнул я, вставая и обращаясь к выглядывающему из раздаточного окна повару – Уважаемый! Ты говорил, что самогон есть?

– Есть, дорогой! Такой самогон не у каждого найдешь! Прозрачный как слеза моей мамы! Крепкий как кулак моего отца, жгучий как...

– Ладно, ладно, верю – поспешно замахал я руками и достал из внутреннего кармана несколько купюр – Возьми, здесь на двести пятьдесят грамм. Налъешь вот ему – я указал на скромно переминающегося Саху – Он прибежит минут так через десять и ты сразу ему налей. Лады?

– Сделаем! – кивнул хозяин, проворно пряча деньги – Двести пятьдесят самогончику.

– Лучше настоечки! Которая с грибами! – робко прошелестел у меня над ухом голосок Сахи – И дороже-то на копеечку, а такая душевная вещь! Такая душевная вещь!

– Черт с тобой – со скрипом согласился я и дал чайханщику еще одну бумажку – Двести пятьдесят настойки с грибами. Ну, пошли, приманка! Готовь задницу к операции с кодовым названием «Пинок отвлеченья»!

План сработал на все сто.

Мающийся на солнцепеке охранник и без того был на грани кипения – в прямом и в переносном смысле – а тут еще вонючий бродяга Саха вконец оборзел! Выбежал, скотина из-за угла сарая и не глядя по сторонам, с оханьями и побряхтываниями стянул штаны, сверкнув голым задом, опустился на корточки у стены и в экстазе закатил глаза. Я наблюдал за представлением из укрытия, спрятавшись за уткнувшейся в землю ржавой кабиной КАМАЗа. Но и для меня – придумавшего все действие злодея – было полной неожиданностью ощутить появившийся в воздух неприятный запах.

Господи... вот же дебил, а!

– Ох! Что ж ты сожрал-то такое? – еле слышно прошептал, прикрывая нос – Идиот! Зачем по-настоящему гадить-то? Сделал бы вид... Ой, дурак... смерти ищет...

Тут-то до опешившего от такой наглости охранника дошло, что это не привидевшийся ему глюк и что на самом деле, в трех шагах от него испражняются, пачкая чисто выметенный бетон...

– Ур-род! Че творишь? – раненым медведем взревел мужик, хлопая ладонью по торчащей из кобуры рукояти пистолета – Я тебя сейчас эту кучу сожрать заставлю!

Услышав окрик, Саха вздрогнул и, мастерски состряпав на лице гримасу удивления, напряженным голосом выдавил:

– О-о-ох, привет начал-льника! О-ох! Слюшай, бумашка нету, а? Савсем немношко, а?

От ярости потеряв дар речи, охранник зашипел как пробитая штыком автомобильная шина и с удвоенной силой задергал рукоять застрявшего в кобуре пистолета – с моей позиции мне было прекрасно видно, что удерживающий оружие ремешок застегнут. И, похоже, только поэтому вконец ополоумевший рыночный бродяга еще оставался в живых.

– Беги, дурак, беги! – занервничал я, смотря на искаженное лицо разъяренного мужика – Беги, Саха! Пристрелит же!

Будто услышав мои слова, Саха стер с лица заискивающую улыбочку и явно пытаюсь выправить ситуацию, заблеял:

– Ай, дарагой! Зачем так нервничать, да? Я и без бумашка справлюсь!

– Молись, коз-зел! Щас я тебя убивать буду – зловеще пообещал охранник, к моему несказанному облегчению убирая руку с кобуры и сжимая ладонь в увесистый кулак.

По достоинству оценив внушительный размер кулака, Саха за долю секунды подтянул рваные штаны, вжал плешивую голову в плечи и, что есть сил, рванул к выходу из внутреннего двора, под аккомпанемент заполошных криков охранника:

– С-стой! Стой гнида! Куда рванул?! – куда менее агрессивным голосом завопил сторож металлического монстра, рискнувший удалиться от поста не больше чем на десяток шагов – Ладно! Не трону! Мамой клянусь! Только кучу свою убери! Са-а-аха! Я же найду тебя на базаре! На куски порву!

К тому времени я благополучно оказался за спиной надрывающегося мужика и галопом промчался к заветной двери мастерской. К счастью дверь оказалась не заперта. Влетев внутрь, я мгновенно метнулся в сторону от косяка и прижался спиной к стене. Все. Получилось.

Теперь можно уже не дергаться – мастерские ТЦ знамениты на весь город, равно как и главный мастер дядя Андрей, к чьему мнению прислушивался сам Бессадулин. Впрочем, «дядей» называл его только я, да и то, когда рядом не было посторонних ушей, а на людях величал, как положено, по имени отчеству – Андрей Палыч, со всем уважением так сказать. А иначе никак. Он главный мастер, а я охотник с окраин.

Переведя дыхание, я отлип от стены и, не обращая на удивленно выпученные глаза мальчишки подметальщика, осведомился:

– Андрей Палыч у себя?

– У себя – несколько заторможено кивнул паренек – А...

– А я к нему – буркнул я, с досадой оглядывая порванную штанину джинсов – зацепился за моток колючей проволоки, что лежал у двери – Провожать не надо, дорогу знаю.

Дядя Андрей и правда оказался у себя – в небольшом кабинете, часто служившем и спальней – в углу стоит накрытая серым верблюжьим одеялом раскладушка. Дверь была открыта нараспашку, но я остановился на пороге и пару раз стукнул костяшками пальцев по дверному косяку. Услышав стук, Палыч недовольно вскинул голову от бумаг и хотел было рывкнуть, но увидел меня и расплылся в доброй улыбке.

– Битум! Давай, заходи бродяга! Чего в дверях стоишь как неродной?

– Здравствуйте, дядя Андрей – поздоровался я и шагнул вперед.

Мы не виделись месяца два, но Палыч совсем не изменился – уже сильно немолодой, но еще крепкий и широкоплечий мужик с изборожденным морщинами лицом и твердым подбородком. Бицепсами похвалиться он не мог, но запястья поражали толщиной. Рабочий человек.

Крепко пожав руку, Палыч хлопнул меня по плечу и прогудел:

– Рад тебя видеть! – и тут же попенял – А видимся нечасто! Совсем старика забыл!

– Дел невпроворот, дядя Андрей – сокрушенно развел я руками – Сами же знаете – весна. Я каждый день в пустыне пропадаю – грибы собираю, капусту заячью, луковицы тюльпанов и подснежников.

– Понимаю – кивнул Палыч – Да ты садись, в ногах правды нет. Сейчас чайник велю принести, чайку похлебаем.

– Я сегодня разбогател нежданно – скромно признался я, выкладывая на стол пакетик с порошковым кофе – Ушана завалил в трех шагах от города. Видать от весны ошалел ящер и забрел куда не след. Вот, купил чуток кофе.

– Кофе! – словно ужаленный подскочил Палыч – Что ж ты молчишь! Мишка! Ми-ш-шка! Куда запропастился?!

Видя такой энтузиазм, я только хмыкнул – Палыч обожал кофе. Тащился и перся от него как тащится наркоман от порции дурман-травы. Кофе черный, кофе с молоком, кофе с солью и перцем... дядя Андрей знал уйму рецептов, всегда выискивал новые и бережно записывал их в отдельную тетрадку. Собирал разноцветные кофейные банки с этикетками, где красовались названия давно канувших в лету компаний. Будь его воля, он пил бы кофе беспрестанно, да только стоило оно недешево и поэтому применить рецепты на практике удавалось нечасто – как-никак у Палыча семья. Жена и две дочки на выданье. Тут уже не до кофе, хотя получал он как главный мастер немало, да и прочие льготы регулярно капали – бесплатная вода, бесплатная квартира в семиэтажке через дорогу от ТЦ в охраняемой зоне..., но все же денег не хватало.

– Здесь я, Андрей Палыч! – доложил виденный мною парнишка подметальщик, поспешно залетая в кабинет.

– Тащи кипяток, сахар! И молока – ту баклажку, что Фируза Молочница сегодня утром принесла. Да живее! Одна нога здесь, другая тут!

– Лечу! – кивнул Мишка и как испарился, умчавшись выполнять поручения.

– Ну-ка, ну-ка – Палыч проворно подхватил пакетик, осторожно раскрыл, с наслаждением принялся – М-м-м... Пеле.

– Что пеле? – не понял я – Плохой что ли?

– Да нет! – досадливо отмахнулся Палыч, – Марка такая довоенная была. В каждом магазине эти банки стояли шеренгами, пирамидами. Самое дешевое, дешевле, чем тот же Нескафе Классик или Голд. Эх... были же времена! И что я дурак не запасаю кофейком тогда? Эх...

– Так кто ж знал-то? – логично возразил я – Мне Тимофеич говорил, что вообще ни единого намека не было.

– Это точно – кивнул дядя Андрей – Никто ни сном, ни духом. Аккурат в полтретьего дня сирены завывали, менты забегали как ошпаренные, а затем и зарево вспыхнуло – урановую шахту накрыло. Счастье что ракета с курса сбилась и в стороне упала – шахту самым краем зацепило, а нас и не задело считай. Никто ничего не знает, все орут, бабки с иконами на улицы выползли, мужики по магазинам полезли – все с полок сметали. Мародерствовали... да... страшные времена были, за вшивый коробок спичек убивали...

– Принес, Андрей Палыч! – звонкий голосок прервал воспоминания старика и Палыч этому словно бы и обрадовался.

– Вот и хорошо! Ставь сюда! Да! Если кто спрашивать будет – занят я! Ясно?

– Ясно! – бодро отрапортовал Мишка, замаялся и все же решился спросить – А если дядька Мурат придет? Что лепешками и пирожками на разнос торгует?

Заметив откровенно голодный взгляд малолетнего подмастерья, Палыч кивнул и, открыв ящик стола, достал оттуда уже початый лист талонов – Держи!

– Что, прямо на все брать? – сглотнул Мишка – На весь лист?

– Бери на весь – махнул рукой мастер – Вы же те еще пролоты, сомнете и не заметите. И это, ... пару пирожков себе отдельно отложи, перекусишь по-быстрому, а то до ужина еще далеко.

– Спасибо, Андрей Палыч! – подпрыгнул мальчишка – Спасибо!

– Беги уж... Хотя погодь-ка, пострел... ты полы подмел? Мусор вытащил?

– Все сделал!

– Смотри у меня – я проверю! Давай, беги – улыбаясь в усы, Палыч отпустил мальчишку и тут же принялся колдовать над укутанным рваным полотенцем чайником – А мы с тобой кофейком побалуемся. А?

– Да не, дядь Андрей, я лучше чайку выпью – совершенно искренне ответил я – Зеленого.

– Зря! – авторитетно заявил Палыч, запуская в пакетик чайную ложку – Кофе это же дар богов! Как подумаю, что в той же Бразилии сейчас кофе завались просто, так веришь, чуть ли не плакать хочется! А заварку в шкафчике возьми, что слева от двери. Ага, правильно. В банке жестяной. И чайник заварочный там же.

– Не знаю, дядь Андрей – пожал я плечами, насыпая в небольшой чайник пару щепоток заварки – По мне, так лучше чая ничего нет.

– Ну, каждому свое. Уговаривать не буду – мне же больше достанется – философски заметил Палыч – А чего это вид у тебя смурной такой? Случилось чего?

– Случилось – признался я – Дядь Андрей, тут такое дело, ... в общем, наткнулся я на мертвеца. Лежал он бесхозный в подвале пустующей пятиэтажки – ну и обобрал его. Шмот, оружие, рюкзак – все подчистую унес.

– И что? – удивленно приподнял бровь Палыч, тонкой струйкой наливая в стакан кипятка – Все так делают. Если ты не возьмешь, то другой уж точно мимо не пройдет. В чем проблема-то? Или это ты его в мертвецы определил? А?

– Да нет – поспешно открестился я – Он уже мертвый был, когда я на него набрел. Мертвее не бывает.

– Ну и все тогда – пожал плечами мастер – Найденные вещи осмотри хорошенько, если приметные или помеченные есть – в сторону их отложи, а остальное смело на толкучку неси. Что хоть нашел-то? Есть что стоящее?

Наморщив лоб, я прилежно принялся перечислять:

– Полный комплект камуфляжа песчаной расцветки – правда, есть пара дырок от пуль и кровью попачкан нехило. Но отстирать можно думаю. Потом еще ботинки новехонькие, рюкзак, огнестрел, пять запасных обойм, счетчик Гейгера, нож армейский, тушенка, несколько автоматных обойм...

С каждым следующим словом, брови Палыча ползли все выше, а когда я упомянул об автоматных обоймах, мастер, позабыв о кофе подхватился с места и кинулся к двери. Убедившись что за дверью никого нет, он плотно прикрыл ее и, уставившись на меня напряженным взглядом, просипел:

– Ты кого обобрал, сынок? Не того ли чужака, что прошлой ночью запропастился куда-то?

– Похоже на то – кивнул я – Того мужика особо не разглядывал, но если судить по прикиду и оружию – он самый.

– Твою же так мать! – шепотом рявкнул Палыч – Ты не представляешь в какое дерьмо вляпался! По самые ноздри! Его все ищут! И Бессадулин и Пахан и приезжие чужаки! Так... ты кому-нибудь еще о находке говорил?

– Нет – твердо ответил я, глядя в глаза дяде Андрею – Ни единой душе.

– С тела взятое надежно спрятал?

– Угу.

– Ты мне не угукай! Отвечай, как следует! Надежно спрятал, спрашиваю?

– Надежно, дядь Андрей – отрапортовал я – Что я вчера родился что ли? Сам не дурак, понимаю. Вещи никому не показывал, не предлагал купить, спрятал надежно, по дороге к схрону меня никто не видел... вроде как.

– Так вроде как, или точно никто не видел? – прицепился Палыч, почувствовав мою неуверенность в последних словах – А?

– Точно не знаю – признался я, виновато разведя руками – Если честно именно поэтому и дергаюсь. Я как вещи его захапал так будто бы сам не свой стал. Блин... и не знаю, как объяснить! Руки трясутся, сердце колотится... надо спокойно идти, не торопясь, а я рванул

что есть сил... эх! – сплюнул я, злясь на самого себя – Ступил! Не понимаю, что на меня нашло!

– Хе! – усмехнулся Палыч – Что нашло, что нашло... Мандраж на тебя нашел, Битум! Такое часто бывает – стоит человеку солидный куш захватить, так он будто ребенок малый становится, глупить начинает... Короче – дело дрянь! Остается надеяться, что тебя никто не засек. Опять же если кто и спросит – куда это ты мол наемни сломя голову бежал? – всегда отбрехаться можно. Скажешь...

– Да понятно – остановил я мастера на полуслове – Отмазаться сумею.

– Вот и ладно – удовлетворенно кивнул Палыч и, отхлебнув глоток кофе, блаженно зажмурился – Ох... Лепота!

– А?

– Лепота, говорю, чурка ты необразованная! – буркнул старик – Вещи поглубже спрячь и забудь! Года так на два!

– На сколько? Дядь Андрей, а че так долго-то?

– Вещи больно приметные – досадливо прищурился Палыч – Меня слушай и не суетись. Сейчас все злые как черти, дерганые. Чужаки весь город взбаламутили. Выждать надо пока вся муть обратно на дно осядет. В общем, пока я тебе не скажу, пока добро не дам, вещи не трогай! Понял?

– Понял, дядь Андрей. Спрячу и забуду.

– То-то – удовлетворенно кивнул мастер и вновь зашебаршил ложкой в пакетике с кофе. Палыч он такой – пока все кофе не выпьет, не успокоится.

– Дядь Андрей, а что вообще происходит? – поинтересовался я, прихлебывая остывший чай – Кто они вообще такие? Откуда? Я про гостей.

– О! Напомнил о главном – не расспрашивай никого о чужаках! Нос любопытный и дурной не суй в эти дела – вмиг обрубят сопелку под самый корень! Живи как всегда – ходи на охоту, собирай луковицы, черепах.

Я лишь безмолвно кивнул, а Палыч понизил голос и заговорщическим голосом поведал:

– Русаки это.

– Что, прямо оттуда? – не поверил я.

– Ага. Оттуда. Прямоком из России матушки – многозначительно подняв палец, кивнул старик – Эх... Как меня отправили сюда в семьдесят девятом, так здесь и остался. Видать в песках и помру, не повидав родину.

– Да ладно вам, дядя Андрей. Здесь тоже жить можно. А там что сейчас творится одному Аллаху ведомо.

– Это да – вздохнул Палыч – Нас-то война считай стороной обошла, а вот Россия у многих поперек горла стояла. Боюсь и думать, что там от моей родной деревни осталось – она от Москвы почитай в двухстах километрах всего была. Наверняка одно пепелище выжженное и чернеет... вот как после этого в судьбу не верить? А? Я же аккурат за год до начала кошмара ядерного на родину возвращаться собирался. По переселению. Уже и контейнер приготовили, и объявление о продаже квартиры напечатали... ан не судьба значит...

– А почему не уехали-то, дядя Андрей? – полюбопытствовал я, хотя давно знал историю наизусть. В первый раз ее услышал, когда был совсем пацаном, и мы вместе с Тимофеевичем приходили чаю попить. Вернее чаи гоняли старики, а я, высунув язык, обтачивал зажатую в тисках железяку, пытаюсь превратить металлический брусок в свой первый метальный нож... Давно это было...

– Так из-за денег будь они неладны! – всплеснул руками Палыч – Я как заявление об увольнении на стол начальника кадров положил, так тот ажно побурел. «Не пушу!» – кричит и кулаком об стол бьет. А я ему в ответ – еще как пустите! Право такое имею! И давай мы

с ним бодаться! Он меня и так обхаживает, и эдак, а я все на своем стою – не останусь и все тут, хоть режь меня, значит! Но таки уговорил меня, черт старый, пусть земля ему будет пухом. Деньги ведь они завсегда нужны, даже сейчас без них никуда.

– Это да – поддакнул я, нащупывая во внутреннем кармане куртки изрядно похудевший сверток с талонами и паханскими.

– Всего полгода я новой зарплате радовался-то. Дачу достроил, в квартире ремонт сделал и на тебе! Конец света пришел! Все прахом пошло. Эх! Лучше бы я кофе накупил – на все деньги! – в сердцах сплюнул Палыч и высыпал в стакан остатки кофейного порошка – Ну да это дело прошлое. Живы остались и ладно. Правильно ведь говорю?

– Правильно – подтвердил я и поторопился сменить тему – Дядь Андрей, а зачем они приехали-то?

– А кто их знает – с безразличием пожал плечами Палыч – Об этом пусть у главного нашего голова болит. А мне машину их подшаманить велели. Общее ТО и ПР провести.

– Чего провести? – с недоумением переспросил я.

– Технический осмотр и профилактические работы – важно объяснил мастер – Они же сколько тысяч километров отмахали на нем, да все по бездорожью и пескам. А машина знатная! Такой ни у кого из наших нет. Ни у Пахана, ни у Бессадулина. Сначала Ракитин и разговаривать об этом не хотел, сами мол все сделаем, а как со мной парой слов перекинулся, так и добро дал. Доверился, значит! Понял, что я в машинах получше многих разбираюсь.

– Ракитин?

– Главный их – небрежно пояснил Палыч – И самый старший по возрасту, не намного моложе меня. Так! Я тебе что сказал? Забудь о чужаках! Понял?

– Да понял я, дядь Андрей, понял – заверил я мастера, но добился лишь того, что он раздраженно грохнул кулаком по столу, да так, что зазвенели все чашки.

– Да нет, вижу, что прям чешется у тебя в одном месте! Нейметса! Сказал же – забудь! Не расспрашивай, не интересуйся и вообще, ты же на охоту собирался? Вот и иди себе с богом. Топай давай, а мне работать надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.